

Прекрат.

Совершенно секретно

2296

Экз. №

СБОРНИК КГБ СССР

133

№ 43

Прих. № 1366 Экз. № 2296

СПЕЦБИБЛИОТЕКА
КГБ Литовской ССР

Москва 1989

СБОРНИК КГБ СССР

Основан в апреле 1959 года

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕСТРОЙКА И РАБОТА ЧЕКИСТОВ.	
Доклад члена ЦК КПСС, Председателя КГБ СССР В. А. КРЮЧКОВА на семинаре-совещании секретарей партийных организаций центрального аппарата Комитета госбезопасности СССР 15 апреля 1989 года	3
Ю. В. АНДРОПОВУ — 75 лет	30
ПЕРЕСТРОЙКА: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ	
Дискуссионная трибуна. В. ЧОГОВАДЗЕ, В. ТИХОНОВ — Наши мнения: поддерживаем, спорим, предлагаем	31
Ю. БЫЧКОВ, Н. ЗАДОРИН — Работу с агентурой — на уровень современных требований	37
Из истории вопроса. П. ПОЗДЕЕВ — Возвращаясь к истокам	41
Чекистский характер. А. ЗДАНОВИЧ — Испытание морской стихией. Военный разведчик Сергей Богданов награжден боевым орденом	46
Л. ВЕДЕВ, В. ЗОЛОТОТРУБОВ — Угрозу массовых выступлений удалось предотвратить	51
С. АБДРАХМАНОВ, А. МАТВИЕНКО — Рабочаться в человеке...	54
Минута на обезвреживание преступников. Наш собеседник — начальник Группы «А» Седьмого управления КГБ СССР Герой Советского Союза полковник В. КАРПУХИН	59

133июнь
1989

МОСКВА

KGB Documents Прих. № 1366 Экз. № 2296

СПЕЦБИБЛИОТЕКА

КГБ Литовской ССР

ПЕРЕСТРОЙКА И РАБОТА ЧЕКИСТОВ

**Доклад члена ЦК КПСС,
Председателя КГБ СССР В. А. КРЮЧКОВА
на семинаре-совещании секретарей партийных организаций
центрального аппарата Комитета госбезопасности СССР
15 апреля 1989 года**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Толкунов (ответственный редактор), В. И. Алексеев, П. Ф. Дубровин, В. П. Колесников, Л. А. Постников, К. Т. Пястолов, В. Н. Растворгусев (зам. ответственного редактора), Е. Д. Сахаров, В. П. Скоморохов (ответственный секретарь), Н. Н. Скороваров (зам. ответственного редактора), И. И. Устинов, В. С. Широнин, И. И. Якушев.

Товарищи! Нынешний семинар еще раз убедительно свидетельствует, что интерес к проблемам, над решением которых сегодня трудятся партия и народ, в чекистских коллективах очень большой. Идет оживленный и заинтересованный разговор о том, как своими средствами чекисты могут содействовать советскому обществу в решении назревших проблем. Разговор необычный, острый, критичный. И это естественно, так как сейчас многое в нашей общественной жизни необычно.

Всего четыре года назад партией была выдвинута идея перестройки. Вначале, как вы помните, речь шла прежде всего об ускорении социально-экономического развития страны, но, поскольку идея ускорения больше касалась количественной стороны нашего развития, а обновить общество необходимо было на качественно новой основе, все больше стал утверждаться курс на экономическую перестройку. Этот процесс приобрел настолько глубокий и масштабный характер, что сегодня мы с полным основанием говорим о революционных преобразованиях.

Перестройка, начавшаяся по инициативе партии, превратилась в мощное всенародное движение, нашла широкую поддержку в городе и деревне, открыла путь к использованию тех огромных возможностей и резервов, которые таятся в недрах социалистического общества, нашего государственного и общественного строя.

Очень скоро мы пришли к неизбежному выводу о том, что добиться радикальных перемен, достичь необходимых результатов без коренного изменения всех структур нашей общественной системы нельзя. Мы убедились в необходимости создания нового механизма управления производством, всей общественной жизнью. Стала очевидной и потребность общества в широкой демократизации, развитии гласности, установлении подлинного народовластия. Было ясно, что без последовательного решения этих проблем серьезных успехов на пути перестройки мы не добьемся.

Вместе с тем перестройка помогла явственно ощутить рычаги торможения, понять острую потребность борьбы с бюрократизмом и социальной апатией.

Происходящие в СССР процессы революционного обновления общества обрели широкое и мощное международное звучание. Поначалу на Западе думали, что это лишь очередная кампания, но скоро убедились: речь идет об очень серьезных, глубоких преобразованиях. Сейчас в капиталистическом мире идет поляризация мнений о характере процессов, происходящих у нас в стране. Подавляющее большинство политиков, экономистов, представителей делового мира считают, что перестройка выведет Советский Союз на такие пути развития, которые, бесспорно, обеспечат советским людям продвижение вперед, помогут достичь нового уровня жизни.

Однако нельзя не заметить, что некоторые влиятельные круги за рубежом вовсе не жаждут видеть наше общество сильным, стабильным, экономически могущественным. В этом они усматривают опасность для себя, для всего капиталистического мира. Так, недавно бывший президент США Никсон выступил с пространными статьями, в которых доказывал, что нужно очень внимательно и серьезно отнестись к процессам в Советском Союзе и ни в коем случае не оказывать ему помощи. «Иначе мы сами, — как он выразился, — будем помогать формированию такого государства, которое будет представлять реальную угрозу жизненным интересам Соединенных Штатов Америки». Киссинджер и Бжезинский в свою очередь пытаются доказать, что происходящие в Советском Союзе перемены, дескать, лишний раз подтверждают, что будущее принадлежит капитализму, а социализм — это якобы лишь эпизод в развитии человечества.

По-разному отнеслись к перестройке в соцстранах. Одни активно поддерживают нас, другие относятся к происходящим в СССР переменам настороженно. Но постепенно положительное отношение к перестройке берет верх. Под ее влиянием во многих социалистических странах происходят весьма примечательные процессы.

В беседах с нашими друзьями на всех уровнях мы постоянно подчеркиваем, что происходящие в Советском Союзе перемены — это явление советское и, если кто-то решит что-либо заимствовать из нашего опыта, он должен обязательно учитывать свои национальные особенности. Ведь, как известно, в свое время имели место трагические ошибки, когда во многих социалистических странах советский опыт копировался без должного учета местных особенностей — географических, национальных, экономических, политических и иных.

Суть процессов перестройки заключается в проведении глубоких преобразований в социально-экономической и политической областях. Начало перестройке было положено экономической реформой, однако вскоре стало ясно, что без реформы политической успеха добиться невозможно. Когда состоялся XXVII съезд КПСС, всем казалось, что он является вершиной понимания и формирования задач перестройки. Прошло совсем немного времени, и стала

очевидной необходимость созыва XIX Всесоюзной партийной конференции, на которой был сделан очередной шаг вперед. Сейчас мы вновь чувствуем, что интересы конструктивного развития процессов перестройки да и фактор времени настоятельно требуют от нас новых шагов, что движение должно быть постоянным, а не сводиться к решению каких-то узких по времени и по объему задач.

Важнейшим событием в жизни нашего общества, все значение которого нам еще предстоит оценить, явились выборы народных депутатов СССР.

Подготовка к ним шла в условиях острой политической борьбы. Новые избирательные законы рождались в обстановке острых дискуссий, столкновения различных точек зрения. Отношение к ним, скажем, в Российской Федерации и в Прибалтике, в Средней Азии и на Кавказе, в различных слоях нашего общества было неоднозначным.

Ход предвыборной кампании показал, что советские люди положительно воспринимают процесс демократизации общества, активно включаются в него. Об этом свидетельствовала, в частности, небывалая ранее активность населения при выдвижении кандидатов в депутаты. Порой выдвигалось по пять, по шесть, а в некоторых округах и более десяти кандидатур.

Итоги выборов со всей очевидностью продемонстрировали правильность избранного партией курса на реформу политической системы, курса, позволяющего привлечь к участию в управлении страной наиболее активных, компетентных, пользующихся поддержкой широких масс представителей нашего общества. Конечно, еще предстоит многое отладить и в самом избирательном механизме, и в работе высшего органа государственной власти.

В ходе нынешней избирательной кампании появились и проблемы, требующие углубленного их осмысления. Так, процент членов КПСС среди избранных народных депутатов сейчас выше, чем был ранее. С одной стороны, это не может не радовать, но с другой — жаль, конечно, что среди депутатов стало меньше комсомольцев, нет и той доли беспартийных, которые избирались в Верховный Совет СССР прежних созывов. Значительно уменьшилось среди депутатов число рабочих и крестьян. А ведь среди них много замечательных людей, честных работников, искренне болеющих за дело, настоящих самородков. Именно они в конечном итоге определяют созидательный облик нашего государства, от их труда зависит многое. Думаю, что из этого будут извлечены необходимые уроки и рабочим классом, и трудовым крестьянством, и не только ими.

Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что все чекисты с огромным интересом и волнением ожидали результатов избрания в народные депутаты представителей органов госбезопасности. Ведь по тому, как избиратели отнесутся к кандидатам-чекистам, можно судить и об отношении народа к органам КГБ в целом. Сегодня мы можем с удовлетворением сказать, что двенадцать из четырнадцати наших кандидатов стали народными депутатами.

Ход предвыборной кампании высветил и немало негативных моментов. Надо прямо сказать, что дебаты в отдельных округах захлестнула демагогия, выразившаяся, в частности, в легко раздаваемых, но нереальных и неисполнимых обещаниях избирателям. Об опасности подобного рода безответственных заявлений предостерегал еще В. И. Ленин. Вот только одна фраза по этому поводу из его работы «Что делать?»: «...я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшие — потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 123).

Партия начала перестройку, открыто заявила об имеющихся недостатках, неизжитых изъянах и ошибках. Она сделала это решительно и смело. Именно партия говорит о том, что в происходящих в обществе процессах не все так просто и однозначно. Но когда кое-кто начинает давать заведомо невыполнимые обещания, играть на настроениях молодежи, отдельных слоев интеллигенции, порочить все подряд, в том числе самое святое для нашего народа, ради того, чтобы на этой волне сделать себе политическую карьеру, — это и есть самая настоящая демагогия, и с ней нужно бороться самым решительным образом.

Надо сказать, что поначалу была надежда на то, что разум возьмет верх над эмоциями, что люди разберутся что к чему и во время голосования сделают правильный выбор. Но оказалось, что на первом этапе предвыборной кампании партийными организациями было упущено слишком много. Не подключились к ней по-настоящему и советские органы, комсомольские и профсоюзные организации. А когда уже стало ясно, что те, кто стоит далеко от правды, от целей нашего общества, злоупотребляют доверием людей, то, наверное, было уже поздно.

В ходе выборов имели место и такие явления, которые нас, чекистов, не могут не настороживать. Например, в Ленинграде на ряде избирательных пунктов стояли молодчики и призывали граждан не голосовать за того или иного кандидата только потому, что он коммунист. Это уже не просто демагогия, это — политическая деятельность, граничащая с нарушением закона. Некоторые лица не останавливались и перед тем, чтобы опорочить другого кандидата, причем выдвигались обвинения явно клеветнического характера.

Во время выборов значительную активность проявили ряд неформальных объединений, платформа которых далека от интересов социализма. Надо глубоко проанализировать эту ситуацию, тем более что у многих неформальных объединений появились активные, весьма настораживающие связи с зарубежными подрывными центрами. Оттуда они получали финансовую и материальную по-

мощь, оттуда черпали идеи. Некоторые из них активно распространяли слухи, пытались компрометировать отдельных кандидатов, порочили действия властей, причем не только устно, но и в печатной форме, порой в масштабах, которые поражали воображение.

Было немало и других явлений, мимо которых мы, как чекисты, не можем проходить. Их надо внимательно анализировать и делать должные выводы в практической деятельности. Безусловно, на ходе избирательной кампании сказался и недостаток нашей политической культуры, но мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что кое-где сознательно был брошен вызов закону.

Мы учимся, ошибаемся. Но страшны не столько ошибки, сколько их повторения. Важно впредь не допускать пренебрежительного отношения к борьбе, не допускать самоуверенности и самоуспокоенности, незнания обстановки.

Теперь о перестройке в органах КГБ. Что же означает сегодня перестройка для нас, чекистов, в чем ее суть? Какое-то время многие полагали, что перестройка вряд ли глубоко затронет органы госбезопасности, думали, что у нас отложенная структура, организация работы и что если какие-то изменения необходимы, то они должны носить косметический характер. Думаю, что сегодня для таких рассуждений у нас оснований нет. Мы не можем стоять в стороне от происходящих в нашем обществе перемен. Они имеют прямое и непосредственное отношение и к работе органов КГБ.

Перед нами стоит ряд неотложных проблем, первая из которых — найти свое оптимальное место и определить роль органов КГБ в процессе обновления общества, становления правового государства. Принимаемые нами решения зачастую влияют на судьбы людей, поэтому любой неосторожный, неправильный шаг может отрицательно сказаться на работе чекистских органов, снизить ее эффективность и породить более крупные ошибки.

Нам предстоит внести определенные изменения в функциональные обязанности ряда подразделений, отдельных линий чекистской работы. Разумеется, делать это мы будем по-разному для разных подразделений и соблюдая этапность, потому что, как известно, легче сломать ту или иную структуру в целом и гораздо сложнее создавать ее в том виде, в каком она необходима. Нужно перестраиваться на ходу, не отказываясь при этом от прежних форм и методов работы, если они оправданы в нынешней ситуации и если жизнь убеждает нас в том, что они необходимы и полезны.

Что можно сказать в этой связи применительно к подразделениям центрального аппарата?

Товарищам из Второго главного управления предстоит серьезно подумать над тем, как перестроить работу нашей контрразведки, и в частности самого главка как ее ядра, координирующего центра.

Необычными стали связи нашей страны с внешним миром. Появились такие формы сотрудничества и контактов, о которых мы раньше не имели представления. Изменилось положение дипломатического корпуса в Советском Союзе, стал другим характер его отношений с нашими организациями. К нам приезжает огромное

число делегаций. Многократно возросло число граждан, выезжающих из Советского Союза за рубеж. Ряд иностранных организаций, в том числе из капиталистических стран, получили возможность свободнее действовать в нашей стране в сфере развития деловых, научных и культурных контактов. Объять необъятное мы с вами не в состоянии. Ясно, что из поля зрения чекистских аппаратов выпадут определенные категории наших граждан, которыми ранее мы в той или иной мере занимались. Найти оптимальные подходы к контрразведывательной работе в этих условиях — важнейшая задача, стоящая перед чекистским коллективом ВГУ.

Возьмем Третье главное управление. Армия меняет свой облик, выработана новая военно-политическая доктрина, сокращается численный состав Вооруженных Сил. Этот процесс будет продолжаться, разумеется, без ущерба для обороноспособности нашей страны. И здесь сотрудники Третьего главного управления должны серьезно подумать о путях повышения эффективности своей работы в новой обстановке.

Пятое управление работает на крайне деликатном направлении чекистской деятельности. Оно нам очень нужно, но жизнь диктует необходимость внести изменения в функциональные обязанности его подразделений и соответствующих подразделений на местах. Важно при этом не растерять имеющиеся здесь квалифицированные кадры. Думаю, что в ближайшее время мы объявим результаты проводимой здесь организационной перестройки. Мы откажемся от оперативного обеспечения ряда организаций. Скажутся на работе Пятого управления и новые оценки тех или иных общественно-политических явлений в стране и за рубежом. Однако такой аспект контрразведывательной деятельности, как выявление связей враждебных нашему государству зарубежных антисоветских центров и организаций, разумеется, по-прежнему должен быть в поле нашего зрения, причем в большей степени, нежели до сих пор.

Важные задачи предстоит решать Шестому управлению. Взять хотя бы вопросы, связанные с конверсией значительной части нашей оборонной промышленности, которая будет использована в народнохозяйственных целях. Задача защиты секретов при этом в полной мере сохраняет свою актуальность, и поэтому нам надо активно участвовать в разработке необходимых мер, чтобы в результате радикальных изменений в работе отраслей оборонной промышленности не пострадали интересы безопасности нашего государства.

Особое внимание необходимо уделить защите фундаментальных открытий, результатов научных разработок. Это особенно важно в связи с широким развитием кооперативного движения. Сейчас появилось такое поветрие: создаются небольшие кооперативы, куда входят наши ученые, работающие в областях, где закладываются основы научно-технического прогресса. Но ведь днем-то они трудятся на государственных предприятиях, черпают там информацию, а вечером пользуются ею в рамках кооператива, начинают торговать с другими странами. В результате ценнейшие раз-

работки и научные идеи уходят на Запад, порой за бесценок или вообще безвозмездно, что наносит большой ущерб нашей стране.

Когда наши ученые выезжают в другие страны и встречаются там с представителями деловых кругов, они поражаются скучести информации, которая им предоставляется. Белорусские товарищи рассказывали мне, что, находясь в Голландии, они хотели получить там подвой для новых фруктовых садов. Однако все их попытки обернулись неудачей. Им вежливо объяснили, что это большая тайна. Мы же подчас упрощенно подходим к этим вопросам, слишком щедро предоставляем иностранцам свои достижения.

Нам нужно глубоко знать работу кооперативов, чтобы многие происходящие там негативные процессы видеть изнутри. Их внешние связи, к примеру, обрели за самое короткое время такие масштабы, о которых ранее мы с вами не могли даже предполагать. В пресечении любого рода злоупотреблений, фактов разглашения секретных сведений со стороны кооператоров нам следует проявлять больше решительности.

Сейчас у нас развиваются широкие торгово-экономические связи с другими странами. Однако случается так, что некоторые бизнесмены нас попросту «надувают». Нередко заключаются очень невыгодные для нас сделки, хотя этого вполне можно было бы избежать. Нам порой подбрасывают тупиковую научно-техническую информацию. Поэтому, идя на развитие торгово-экономических связей, необходимо, с одной стороны, расширять деловой кругозор, накапливать опыт, с другой — проявлять здоровую осмотрительность, заботиться о защите своих коммерческих интересов. Нельзя также забывать, что эти связи могут использоваться спецслужбами противника как прикрытие для своей деятельности, поэтому мы должны прежде всего вскрывать и предметно показывать нашим хозяйственным органам и предприятиям устремления противника. Ведь такое понятие, как «экономическая диверсия», не исчезло.

Чекисты должны оказывать нашему государству помощь в установлении действительно выгодных контактов с деловым миром капиталистических стран. Здесь разведка, Шестое управление, другие подразделения Комитета еще не сказали своего веского слова.

Особо хотел бы отметить значение научно-технической разведки. Сейчас мы должны сделать еще один большой шаг по оказанию содействия ускорению решения народнохозяйственных проблем. Вместе с контрразведкой надо поработать и над тем, чтобы материалы, которые мы добываем с большим трудом, шире и быстрее внедрялись в народное хозяйство.

Ответственные задачи стоят перед Седьмым управлением. Товарищи, работающие по этой линии, уже сейчас столкнулись с определенными трудностями, и нужно как можно быстрее внести необходимые изменения в их деятельность. Конечно, ее объем не будет сокращен, но мы откажемся от работы на одних участках, чтобы сконцентрировать силы на других.

В процессе перестройки находится и Десятый отдел КГБ. Речь здесь идет о совершенствовании учетов и некоторых других вопросах. Сотрудники отдела принимают сейчас самое активное участие

в огромной работе, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных лиц. Предстоит всесторонне проанализировать деятельность органов госбезопасности в период, связанный с этими трагическими событиями, а самое главное — сделать из этого необходимые выводы для нашей сегодняшней практической деятельности.

Надо отчетливо осознать, что в условиях культа личности деятельность органов госбезопасности подверглась определенным деформациям, а в ряде случаев они послужили инструментом произвола, инструментом политики, глубоко чуждой идеалам партии, социалистической демократии. Вместе с тем мы можем с гордостью произносить имена тысяч и тысяч чекистов, которые подавали голос правды, боролись за нее, погибали и тем доказали, что в органах госбезопасности даже в тот тяжелый период были здоровые силы, но, к сожалению, не они играли определяющую роль.

Нелегкая работа ложится на органы госбезопасности и в плане установления мест захоронения безвинно пострадавших. Ряд захоронений, и в этом, нужно сказать, есть заслуга наших товарищ, сохранены в неприкосновенности. Хотя, конечно, ни имен, ни даже количества захороненных там мы, к сожалению, установить не можем, потому что никаких документов на этот счет не сохранилось.

По этому вопросу принято следующее решение. Необходимые мероприятия будут проводиться на местах — в республиках, областях, городах — там, где такие захоронения имеются. Есть они и под Москвой. Важно, чтобы наши товарищи проводили соответствующую разъяснительную работу, принимали активное участие во всех политических мероприятиях, связанных с увековечением памяти погибших.

Большие задачи стоят перед нашими пограничниками, в первую очередь в связи с изменениями в характере службы на границе. Предстоит изменить режим в приграничной зоне, чтобы облегчить там хозяйственную и иную деятельность населения. Нам надо внимательно посмотреть, какие изменения следовало бы внести в доктрину охраны советской границы. Она должна быть по-прежнему надежно защищена. Обстановка на границе ни в коем случае не должна вызывать у нас опасений, и вместе с тем необходимо привести ее в соответствие с новыми реальностями, надо, чтобы она способствовала тем расширяющимся контактам, связям, в том числе торгово-экономическим, которые развиваются в последнее время практически со всеми соседними странами. Следует, кроме того, повысить уровень культуры работы наших пограничников.

Очень важно, товарищи, рационально расставить силы и средства не только в центральном аппарате, но и в республиках и областях. Мы часто исходили здесь из того, что мерой распределения наших сил и средств были размеры территории, численность населения, объемы промышленного и сельскохозяйственного производства. Но сейчас мы должны в большей степени исходить из политической и оперативной обстановки. Думаю, что необходимо помочь нашим товарищам в Прибалтике, на Кавказе, а также в

тех регионах, обстановка в которых по тем или иным причинам вызывает серьезные опасения.

Комитет госбезопасности откажется от выполнения ряда функций, и изменения здесь уже происходят. Имеется в виду прежде всего проверка определенных категорий лиц. Но вместе с тем у нас прибавятся и новые по характеру задачи. Их будет немало. Возьмите хотя бы кооперативное движение, о котором я уже говорил. Этот вопрос мы с вами пока еще по-настоящему глубоко и не изучали, но он уже преподносит нам сюрпризы. Казалось бы, прямой связи с задачами, стоящими перед органами КГБ, здесь нет. Но если мы не вникнем в те процессы, которые идут в кооперативном движении, то можем оказаться перед лицом опасности возникновения очень острой и нежелательной для нашего государства и его безопасности ситуации.

Сейчас сокращается число министерств. Эта тенденция сохранится и в дальнейшем. Меняется суть их работы. И поэтому наши позиции там не могут оставаться такими же, как были ранее. Видимо, основательное, реальное сокращение аппарата управления произойдет в течение какого-то отрезка времени, но тем не менее проявлять пассивность здесь мы не можем. Это серьезнейший вопрос. И для разведки, и для контрразведки, и для других подразделений.

О борьбе с преступностью. У нас появилась сейчас в более широких масштабах организованная преступность, и мы не можем стоять в стороне от этой проблемы, потому что все это в конечном итоге наносит серьезный ущерб государственной безопасности. Комитет госбезопасности подключился к решению этой задачи, поставленной перед нами ЦК партии. На нашем счету уже есть конкретные дела, и об этом надо информировать общественность. Видимо, нет необходимости делать большой тайны из того, что КГБ будет заниматься борьбой с организованной преступностью.

О деятельности неформальных объединений. Это действительно новое для нас направление, и здесь мы не во всем еще разобрались. С одной стороны, выдвигая те или иные программы, неформальные объединения в основном не выходят за рамки закона. Но, с другой стороны, когда смотришь на их практические действия, то приходишь к выводу, что порой за невинными высказываниями скрываются весьма опасные для нашего государства устремления. Мы должны внимательно изучать, какими путями, с какой целью многие неформальные организации пытаются проникнуть в рабочую и молодежную среду.

Молодежь — наше будущее. Для нее свойственны энергия, поиск, порыв, и, я думаю, это нужно правильно использовать. Вместе с тем мы должны исходить из того, что если молодежь или какая-то ее часть подпадает под вредное идеино-политическое воздействие, то последствия могут быть очень тяжелыми. На это не раз указывал В. И. Ленин. Мы должны помнить, что, когда человек формируется, когда его взгляды не устоялись, когда он еще ничего не произвел, но немало уже потребляет в свое удовольствие, — это

самый сложный период в его становлении как личности. Упустив человека в этом возрасте, можно вместо здорового, нормального советского гражданина, патриота получить преступника. Поэтому мы должны под чекистским углом зрения оценивать состояние нашего подрастающего поколения, в том числе наших с вами детей и внуков.

Мы должны научиться умело действовать в условиях расширяющихся демократии и гласности. Здесь кое-что сделано, но, товарищи, пока это только первые и очень робкие шаги. Мы еще слабо противодействуем тем, кто стоит на нездоровых позициях и использует демократию и гласность для достижения чуждых нашему обществу целей. Демократию и гласность нужно сделать нашими союзниками в работе с массами. Чекисты должны пойти на заводы, в колхозы, в научно-исследовательские институты, в высшие учебные заведения, встречаться там с людьми, объяснять смысл работы органов КГБ, говорить о наших конкретных делах, показывать, в чем суть обеспечения государственной безопасности на нынешнем этапе развития общества. У нас есть много положительных примеров успешной работы в массах. Надо активнее использовать возможности средств массовой информации для публикации материалов о наших конкретных практических делах. Нам есть что сказать советским людям.

Конечно, конспирация — это для нас важнейшая категория, и мы никогда не сможем от нее отказаться полностью, но кое-что нам надо раскрыть, для того чтобы сделать более понятным широкой общественности смысл нашей работы.

Нужно шире показать наши последние разоблачения вражеской агентуры в СССР, той агентуры, которая причинила нашему государству многомиллиардный ущерб. Вскрывая деятельность спецслужб, и разведчики, и контрразведчики проявили большое искусство. За последние годы мы вновь убедились в том, что противник располагает серьезными агентурными позициями в Советском Союзе, что он от агентурной работы отказываться не собирается, что это важнейшее направление его разведывательно-подрывной деятельности.

Кое-что мы можем придать гласности и в вопросах, касающихся финансирования нашей деятельности. Говорят, например, что КГБ имеет многомиллиардный бюджет, имеет и то, и другое, и третье. И когда мы публикуем данные о том, что бюджет специальных служб Соединенных Штатов Америки достиг тридцати двух миллиардов долларов, то некоторые говорят: «А интересно, сколько же у нас?» И вот возникла мысль: а что, если нам взять да и опубликовать бюджет Комитета госбезопасности? Сначала она вызвала сомнения. А после обсуждения пришли к выводу: это вещь стоящая. Мы здесь можем показать, что безопасность нашего государства — это ценнейшее достояние, но для ее обеспечения КГБ обходится сравнительно скромными средствами.

Следующий важный вопрос — Комитет госбезопасности и партия на этапе перестройки. Мы были, есть и будем верными солдатами нашей партии, верными ее бойцами. Так на органы госбезо-

пасности смотрят Центральный Комитет партии, его Политбюро. Мы понимаем, что партия — это политическое ядро нашего общества, она гарантирует его здоровое развитие. Партия — это не только политический вожак, это и организатор. У нас просто нет другой силы, которая в тех или иных, особенно экстремальных, условиях могла бы обеспечить руководство страной, могла бы обеспечить успешное ее развитие во всех сферах.

Это особенно хорошо чувствуешь, бывая на заседаниях Политбюро, проходящих в деловой, творческой атмосфере. При обсуждении проблем излагаются самые различные точки зрения, далеко не всегда решения принимаются тотчас же, к некоторым вопросам приходится возвращаться по нескольку раз. Причем, как правило, в дискуссиях по важнейшим вопросам принимают самое активное участие не только сотрудники аппарата ЦК КПСС, но и ученые, товарищи с мест, наши ведущие практики в области промышленности и сельского хозяйства, и, конечно, в этих условиях гарантия того, что будут приняты оптимальные решения, намного возрастает.

Мы с вами не имеем права быть пассивными членами партии, обязаны принимать самое активное участие в ее деятельности. И в этом отношении огромная роль принадлежит партийным организациям Комитета госбезопасности всех уровней. Сейчас они резко активизировались, но думаю, что всех высот еще не достигли.

На местах коммунисты-чекисты должны не только поддерживать контакты, но и руководствоваться теми решениями, которые принимают республиканские и местные партийные организации, быть их помощниками в развитии экономики, в наведении порядка, в борьбе с преступностью. Правда, есть один вопрос, к которому мы пока еще основательно не подступались, но над которым думаем. Это вопрос о системе органов госбезопасности, об их подчиненности. Некоторые товарищи с мест настоятельно просят изучить эту проблему. Дело вот в чем. Сейчас председатель Комитета госбезопасности Украины или Белоруссии является членом правительства своей республики. Он входит в ее руководящие органы, в том числе партийные, и на него распространяются все положения, которые там принимаются. Он подотчетен им в различных вопросах, хотя прямая оперативная подчиненность Комитету госбезопасности СССР сохраняется. Товарищи говорят: «Можно ли подумать над тем, чтобы наш Комитет был союзным в полном смысле и чтобы органы КГБ в республиках, краях и областях подчинялись только союзному Комитету госбезопасности?» Разумеется, для них, как коммунистов, сохраняется руководство со стороны республиканских и местных партийных органов.

Говоря о подчиненности органов КГБ на местах, хотел бы подчеркнуть, что это очень серьезный, многоплановый вопрос. Он включает в себя не только правовые аспекты, но и проблемы материального обеспечения, быта, жилья, выделения служебных помещений. Однако события в Прибалтике и некоторых других регионах страны, необходимость борьбы с преступными проявлениями, которые затрагивают порой высокие эшелоны власти, заставляют

нас серьезно подумать над тем, чтобы придать органам госбезопасности большую силу, большую весомость и большие возможности для максимально эффективной работы. Мы обязательно найдем способ посоветоваться с широким кругом чекистов по этому очень важному вопросу.

На повестку дня сегодня также встал вопрос о нашей собственной правовой защищенности. Сейчас, как вы знаете, принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Он позволяет резко повысить эффективность, результативность работы по тем лицам, которые активно действуют против Советской власти или тем более связаны с иностранными государствами. За границей многие отнеслись к нему с пониманием, потому что в нем увидели в какой-то мере отражение и своих проблем. В Советском Союзе выявилось неоднозначное отношение к этому Указу, видимо, потому, что кое-кто понял, что появилась юридическая норма, которая позволяет чекистам, органам МВД, прокуратуры, правосудия бороться с конкретными исполнителями политически вредных действий.

Когда готовился Указ, мы внимательно изучили соответствующее иностранное законодательство и нашли, что за действия, аналогичные изложенным в Указе, граждане ФРГ, Италии, Испании и других стран наказываются лишением свободы на срок от 3 до 12 лет.

Если говорить о нас, товарищи, то в правовом отношении, как уже отмечалось, чекисты защищены плохо. И если мы действительно решили создать правовое государство и защитить себя от преступников, от отщепенцев, от тех, кто мешает нам идти вперед, то необходимо шире развернуть работу по совершенствованию уголовного законодательства, которая уже началась. Предстоит, например, усовершенствовать законоположения, касающиеся защиты представителей власти, особенно сотрудников милиции, органов госбезопасности. Мы изучаем соответствующую зарубежную нормативную базу и обязательно будем учитывать ее при подготовке советских законов.

В заключение хотел бы сказать вот о чем. Чекисты приняли перестройку душой и сердцем. Всем нам ясно, что двигаться вперед старыми путями невозможно. Иначе притягательная сила социализма — этот мощный революционизирующий фактор — не будет эффективной. Чекисты, находящиеся на переднем крае борьбы и здесь, и за рубежом, должны делать все для того, чтобы помочь процессу перестройки, действовать эффективно — меньшими силами, но с большей отдачей. Партия, ее Центральный Комитет, Политбюро высоко ценят работу чекистов. Это не только приятно, это и ко многому нас обязывает. У народа, у его подавляющей части органы госбезопасности пользуются большим авторитетом. Об этом мне часто приходится слышать в беседах с товарищами с мест, при встречах с первыми секретарями областных комитетов партии, ЦК компартий союзных республик. Но, товарищи, если мы хотим сохранить и упрочить свой авторитет, подняться на новую ступень

уважения в обществе, то это можно сделать только одним путем — нашими конкретными делами.

В связи с одним из таких дел — нашей операцией по спасению детей в Орджоникидзе — в журнале «Новое время» была опубликована статья «Женская логика». Автор статьи, Татьяна Иванова, мне кажется, написала в ней примечательные слова: «Я так поняла, что руководили операцией работники Комитета госбезопасности. И, подсчитывая наш бесценный выигрыш во всей этой остро-сюжетной истории, на роль КГБ обращаю особенное внимание. Усилия, умение, профессионализм — все работало во имя гуманности... Думаю, это поднимет престиж Комитета в обществе — в поднятии престижа заинтересованы и Комитет, и общество. Надеюсь, нет нужды объяснять, почему». Я думаю, что и на сей раз, как это часто бывает, женская логика попала в точку.

Успех работы зависит, конечно, от коллектива в целом и от каждого сотрудника в отдельности. Нам очень важно, чтобы все сотрудники были настоящими бойцами партии и по праву носили имя чекиста. Что значит быть чекистом? Я думаю, что никаких новых истин не открою, если скажу, что это значит неуклонно следовать линии партии, целиком и полностью, без остатка посвятить свою жизнь избранному делу — делу партии, делу советского народа, это значит упорно работать, скромно и мужественно выполнять свой долг.

Когда мы говорим об облике чекиста, то обязательно подразумеваем и высокое правовое сознание, эрудицию, широкий диапазон знаний.

Чекисты должны действовать в едином порыве, и в этом огромная роль принадлежит партийным организациям. Там должны быть свободная дискуссия, свободная атмосфера, там можно высказывать различные точки зрения, можно спорить, отвергать или одобрять. Другого, лучшего форума мы с вами просто не придумаем. Обсуждая, горячо споря, необходимо четко понимать, что, приняв решение, мы должны действовать сплоченно, быть едиными. Это, конечно, не значит, что любое решение есть аксиома. К нему можно вернуться. Но вернуться в рамках, которые определены Уставом нашей партии, теми законами, по которым живет советское общество. Партийные организации — эти политические вожаки коллективов — должны быть всегда на высоте. Поэтому на сегодняшний семинар партийного актива Комитета госбезопасности СССР мы смотрим с надеждой и уверенностью как на еще один этап в развитии, улучшении всей нашей партийной работы.

* * *

Затем т. Крючков В. А. ответил на поступившие вопросы.

— Идет подготовка Закона о госбезопасности. Какие принципиально новые положения предполагается в нем отразить?

— Для выработки проекта Закона о госбезопасности создана комиссия во главе с т. Агеевым Г. Е. Определен срок его подготовки — 1990 год. Проект Закона обязательно будет обсуждаться в чекистских коллективах. Наряду с этим есть необходимость сконцентрировать разработку Положения о КГБ, с тем чтобы уже в ближайшее время представить его на рассмотрение. Возможно, что после принятия Закона о госбезопасности потребуется внести определенные изменения в указанное Положение. Это вполне естественно, так как работа по совершенствованию Положения о КГБ должна вестись постоянно. Дорабатывать, что-то менять придется наверняка.

— Предполагается ли изменение структуры Комитета в центре и на местах?

— В ходе своего выступления я уже ответил на этот вопрос. Могу лишь добавить: радикальную реорганизацию мы пока не планируем. Полагаю, что некоторые органы госбезопасности на местах можно было бы несколько сократить, а в других подразделениях штатные возможности расширить. Каких-то принципиальных структурных изменений мы производить не будем, но в рамках первой, второй, третьей линий мы будем усиливать отдельные участки нашей работы, о которых я говорил выше.

— Как оценивает руководство КГБ высказываемые в средствах массовой информации предложения усилить контроль, в том числе финансовый, за деятельность органов госбезопасности, расширить границы гласности в работе КГБ?

— В Верховном Совете СССР намечается создание Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности, перед которым мы будем отчитываться о своей работе. В целом нам следует активнее публиковать материалы об отдельных сторонах деятельности органов КГБ в центре и на местах, расширять границы гласности в нашей работе, лучше информировать общественность о повседневной жизни сотрудников органов госбезопасности. Мы уже начали это делать, но пока робко.

Однако при этом обязательно нужно помнить о том, что существует принцип конспирации, существуют секретные данные, которые не могут быть достоянием широкого круга лиц. В противном случае работа органов госбезопасности будет просто парализована.

— В чем конкретно видится Вам перестройка в деятельности чекистских органов? Что такое в Вашем понимании перестроившийся аппарат органов безопасности?

— Ответу на этот вопрос было посвящено все мое выступление. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что в ходе перестройки работы отдельных подразделений, направлений их деятельности необходимо

иметь в виду два аспекта: территориальный и проблемный. Мы не можем игнорировать вопросы, связанные с определенными регионами, но также не можем оставить в стороне отдельные проблемы и не работать над ними. Поэтому и территориальный, и проблемный принципы деятельности применительно к структуре наших органов должны сохраняться в полной мере.

Процесс перестройки органов госбезопасности — не какая-то кампания, а постоянно действующий фактор. Мы никогда не сможем сказать, что все закончили и преобразовывать больше нечего. Работу органов госбезопасности надо совершенствовать постоянно.

— Как соотносятся принцип единоначалия и внутрипартийная демократия?

— Мы обязательно должны сочетать принцип единоначалия с внутрипартийной демократией. Если на собрании выносится решение в отношении какого-то руководителя, то оно не остается незамеченным, всегда учитывается. Что касается принципа единоначалия, то он был, есть и будет. Без этого нельзя. Когда руководитель дает то или иное указание, оно должно исполняться, тут сомнений не может быть.

И еще об одном. Вопрос культуры дискуссий, споров имеет прямое отношение и к нам. Некоторым товарищам ее пока еще не всегда хватает. Необходима безусловная уважительность руководящего состава по отношению к подчиненным и наоборот. Надо строже спрашивать с тех, кто выходит за рамки этических норм. Если кто-либо встает на путь клеветнических утверждений, инсценирований, оскорблений, на это должна следовать соответствующая реакция.

— В чем заключается социальная защищенность оперативного работника?

— Вопросы социальной защищенности оперативных работников Комитета госбезопасности в сравнении, допустим, с сотрудниками МВД решаются у нас относительно неплохо. Об этом можно сказать с уверенностью. Во-первых, высокое денежное содержание. Правда, по некоторым позициям МВД нас обходит. Во-вторых, с жильем у нас неплохо. С медобслуживанием пока, я считаю, терпимо. Не хватает, к сожалению, еще санаториев, мест в дошкольных учреждениях, госпиталях. Но все это строится и создается в относительно больших масштабах, чем в других организациях.

Когда мы выходим с этими вопросами в правительство, нам, как правило, идут навстречу из уважения к органам госбезопасности, понимания значимости работы их сотрудников для государства.

Мы должны постоянно работать над тем, чтобы и в дальнейшем расширять сферу социальной защищенности и материальной обеспеченности оперативных работников. Надо развивать садово-огородные товарищества, дать нашим товарищам возможность иметь свои участки.

Пока весьма трудно решаются вопросы оказания помощи нашим работникам в строительстве садовых домиков. Какие-то решения этого вопроса будут найдены, хотя, может быть, и не в том объеме, в каком имеется потребность. Часть средств из некоторых смет уже переведена в статьи расходов на социальные нужды.

— Предусмотрена ли в проектах разрабатываемых нормативных документов правовая защита сотрудников КГБ от расшифровки средствами массовой информации, в системе МИД и других ведомствах?

— Наши товарищи очень часто страдают от того, что представители тех или иных ведомств неосторожно обращаются со сведениями о наших сотрудниках. В результате этого мы терпим не только личностный ущерб, когда приходится отзывать товарищей. От этого и государство несет очень большие убытки. Кроме того, появляется повод для шумных пропагандистских кампаний на Западе.

Последнее решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором, в частности, затрагивалась и эта проблема, было принято в 1979 году. Прошло 10 лет, необходимо подумать о подготовке нового нормативного акта, более соответствующего современным условиям.

— Какова позиция партийного руководства и руководства КГБ в вопросе допуска к архивам ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ?

— В капиталистических странах существует следующая практика: предусматривается возможность оглашения тех или иных архивных документов через какое-то количество лет. Например, мемуары Черчилля будут опубликованы в 1999 году.

В нашем государстве такой механизм соответствующим образом не отработан, поэтому необходимо серьезно подумать над правовым порядком доступа к архивам, и возможно скорее. При этом важно проявить величайшую заботу о наших помощниках. Они должны быть абсолютно уверены в том, что не окажутся в неловком положении по нашей вине, что забота о них, об их семьях — это наш долг.

— Определены ли в Комитете сроки действия грифа секретности документов и спецтехники?

— Над этим надо работать. Наверное, здесь мы пойдем по линии минимальных сроков. А в тех случаях, когда высокая степень секретности должна сохраняться, следует выносить специальное решение. Все это должно быть оговорено в соответствующем законе.

— Как развивается контрпропагандистская деятельность в рамках КГБ?

— Видимо, здесь имеется в виду пропагандистская деятельность.

Я считаю, что здесь мы начали работу, но пока не развернули ее по-настоящему. Нужна пропаганда наших конкретных дел, как,

например, история с захватом террористами детей в Орджоникидзе. Можно предать гласности ряд законченных дел по шпионажу, а также по разоблачению крупных преступных групп. Кроме того, есть очень много материалов на местах, где мы предоставили товарищам значительную свободу действий в решении этих вопросов, и им следует активнее ею пользоваться.

Есть здесь и другая проблема. Мы часто помогаем МВД, и по ряду причин общественность зачастую не знает, что у истоков многих получивших широкую огласку дел были чекисты. В качестве примера можно привести нашумевшее дело о приписках и взяточничестве в Узбекистане. Его начали чекисты в 1983 году и даже раньше. Они первыми получили сигналы, провели первые мероприятия, первыми изъяли крупные денежные суммы и драгоценности у группы лиц, которые затем были осуждены, активно содействовали проведению первых судебных процессов, которые прошли нормально. Но следователи из Прокуратуры СССР, куда позднее было передано дело, не хотят упоминать об этом публично.

Надо сказать, что в разговорах, которые ведутся вокруг имен Гдляна и Иванова, есть очень много наносного, неверного и искаженного. Не хочу умалять их заслуг в борьбе с преступностью. Но, когда в ходе предварительного следствия люди содержатся под стражей по 2—3 года, по 5 и даже по 8 лет, — это уже грубые нарушения соцзаконности. Когда уголовно-процессуальное право реализуется не в полной мере, когда отдельные нормы на некоторых лиц распространяются, а другие не могут ими воспользоваться, — это непорядок.

Есть еще один важный аспект. Что происходило в Узбекистане? Были крупные приписки, в результате которых откуда-то «образовались» 700—800 миллионов рублей, не обеспеченных хлопком. И эти деньги таким же нечестным путем пошли вплоть до бригадира, до рядового хлопкороба. Все же нельзя, товарищи, в вопросе об их ответственности подходить с той же меркой, что и к организаторам этой преступной акции. Важно искоренить зло, наказать его, устраниТЬ причины, которые могли бы в будущем повлечь за собой что-либо подобное.

Накануне выборов народных депутатов в телевизионной программе «Время» были показаны ценности, изъятые в Узбекистане. Их связали с конкретными людьми, которые недавно были арестованы. На самом же деле эти ценности к ним никакого отношения не имеют, а проходят по другим делам или были изъяты раньше.

У нас действует принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым человек остается невиновным, пока его вина не доказана, пока суд не вынесет соответствующий приговор. Это важнейший принцип. Он сейчас действует почти во всех странах мира. В указанных выше случаях этим принципом пренебрегали, и неоднократно.

Возвращаясь к конкретике в нашей пропаганде, хотел бы отметить, что надо приводить как можно больше ярких исторических примеров, которые позволяли бы нам показывать работу чекистов

не только сегодня, но и вчера. Возьмите, к примеру, период гражданской войны. Сейчас многие пытаются исказить существо нашей борьбы за Советскую власть в те годы. Это опасная вещь. Думается, что некоторые хотят судить об Октябре 1917 года с позиций года 1989-го. О том, что происходило в 1917 году, как, впрочем, и о любом историческом событии, можно судить здраво, только учитывая обстановку того времени. Никому не позволительно бросать тень на Великий Октябрь, на великого Ленина и на те жертвы, которые принес наш народ ради выбранного им исторического пути.

— Каким образом предполагается активизировать работу ученых Высшей школы КГБ ССР имени Ф. Э. Дзержинского по освещению истории и традиций ВЧК—КГБ, истории КПСС и нашей страны?

— Мне кажется, это важный и очень деликатный вопрос. Сейчас идет процесс реабилитации, и многие уголовные дела, на которых мы воспитывали целые поколения чекистов, прекращены за отсутствием состава преступления. Обвиненные по этим делам люди реабилитированы в гражданском плане, а члены КПСС восстановлены в партии.

Наши учебники, где эти материалы часто использовались, мы изъяли. Нельзя учить на ошибочных материалах, нельзя учить на неправде или даже полуправде. Предстоит серьезно поработать над тем, чтобы в течение какого-то времени (торопиться не следует) создать новую серию учебников и учебных пособий.

Приходится слышать иногда такие высказывания: «Конечно, эти процессы были ошибочными, инспирированными, но те, кто расследовал дела по ним, проявили искусство». Это — уродливая точка зрения. Думается, что и молодое поколение чекистов, и все мы найдем немало примеров в истории ВЧК—КГБ, на которых необходимо учить и воспитывать наших сотрудников. В частности, надо будет поискать тех товарищ, которые, несмотря на трудные условия периода культа личности Сталина, стояли на здоровых позициях. Их мы забывать не должны.

Что касается работы ученых, то теоретические исследования в системе органов госбезопасности надо активизировать. Если не разрабатывать отдельные теоретические аспекты нашей чекистской науки, совершенствовать практику порой бывает очень трудно.

Тем для теоретических размышлений много. Возьмите, допустим, такие понятия, как «плурализм» и «монизм». За последнее время наше отношение к понятию «плурализм» совершило стремительную эволюцию: от полного неприятия до восторженных слов при каждом упоминании. Но при этом мы стали как-то забывать о монистическом взгляде на историю и теоретические вопросы. А он заключается в том, что у нас одна социальная база, одна теория — марксистско-ленинская — с ее диалектическим и историческим методами. Мы не против плурализма, но вместе с тем необходимо четко понимать, что у нас одно монистическое мировоззрение, одна социалистическая основа.

— Разумно ли копировать в наших условиях порядок прохождения воинской службы в Вооруженных Силах ССР в части соблюдения срока увольнения в запас, имея в виду совершенно отличную от воинской специфику чекистской деятельности, при которой большое значение имеет практический опыт?

— А мы не копируем. Когда это оправдано, мы даем возможность товарищам работать и до шестидесяти, шестидесяти пяти, семидесяти и более лет. И такие примеры есть.

— Будет ли обеспечено безусловное исполнение порядка прохождения воинской службы в органах безопасности, особенно для руководящего состава?

— Есть положение, которое регламентирует этот порядок. Но я думаю, что отдельным товарищам, которые по возрасту имеют право уйти на пенсию, мы будем продлевать срок службы в органах безопасности. Такое право у нас есть. Главное — к решению этих вопросов нужно подходить объективно, учитывая всю совокупность условий.

— Когда можно ожидать выхода нового положения о прохождении воинской службы офицерским составом?

— Министерством обороны проект положения планируется подготовить во второй половине 1989 года. В частности, предлагается изменить продолжительность очередных отпусков в зависимости от выслуги лет: прослужившим менее 15 календарных лет — 30 суток, от 15 до 20 лет — 35 суток, от 20 до 25 лет — 40 суток, 25 лет и более — 45 суток. Я думаю, что в основе — это неплохие предложения.

— Затронет ли предстоящее сокращение Вооруженных Сил ССР и органы КГБ?

— Правительство не ставит перед нами вопрос о сокращении органов госбезопасности. В этом проявляется признание нашей необходимости, это вместе с тем и положительная оценка нашего труда. Но, товарищи, мы сами должны искать те излишки, от которых можем безболезненно освободиться. Мы уже отказались от замещения некоторых вакансий, осуществили перевод ряда штатных должностей из отдельных подразделений, территориальных органов в другие. Наверное, таким путем будем идти и дальше.

Что касается сокращения армии, то это, конечно, приведет к высвобождению некоторой части военных контрразведчиков. Предусматривается использовать их на других направлениях, где, кстати, они неплохо проявляют себя.

Мы можем также освободиться и от части расходов на разработку и производство техники. Учебные заведения нам нужны в том объеме, в каком они есть сейчас, однако здесь необходима переориентация. Что я имею в виду? Нам сейчас нужны чекисты, владеющие новыми гражданскими профессиями, готовые к работе с использованием новых должностей прикрытия. Конечно, хоте-

лось бы, чтобы политическая и оперативная обстановка в стране позволила нам сократить объем работы органов госбезопасности, но, как представляется, ни усилия нашего противника извне, ни оперативная обстановка в стране не дают оснований для такого сокращения. Нужно очень серьезно настроиться на то, чтобы теми силами, которыми располагаем, решать значительно более широкий круг задач. У нас нет времени на раскачку. Мы должны перестраиваться на ходу, включаясь в решение новых проблем и по линии разведки, и по линии контрразведки. Во всяком случае, внедрение хозяйственного расчета, широкий выход наших промышленных и иных предприятий на внешний рынок ставят перед нами новые серьезные задачи, о которых я уже говорил.

— Как показывает практика комплектования подразделений КГБ, зачисление на службу многих сотрудников производится в возрасте 27—32 лет. Таким образом, по закону они могут быть уволены из органов в 45-летнем возрасте, не заработав права на пенсию. Предусматривается ли в нормативных документах закрепление права военнослужащих продолжить службу до достижения 25-летней выслуги?

— Работа в органах госбезопасности имеет свою специфику. Нам нужны люди с практическим опытом, прошедшие жизненную школу, так как деятельность органов КГБ имеет отношение к судьбам людей и затрагивает такие сложные явления и процессы, в которых без определенной жизненной закалки разобраться трудно. Поэтому в своей кадровой работе мы не можем рассчитывать на зачисление на службу в органы госбезопасности лиц более молодого возраста.

Одновременно следует подумать над тем, как гарантировать офицеру 25-летнюю выслугу лет. Это очень важно.

— Существуют ли в Комитете возрастные цензы при назначении на различные должности? Если да, то какие?

— Таких цензов нет, все решается индивидуально в каждом конкретном случае. Когда рассматривается вопрос о выдвижении того или иного товарища, порой говорят: «Молод. Есть постарше, давайте его назначим». Такой стереотип у нас пока бытует. Но вы, видимо, заметили, что в последнее время руководство Комитета пошло на ряд смелых выдвижений. Думаю, что главными критериями при выдвижении должны быть деловые качества товарища, его политическая ориентация и, конечно, отношение к нему коллектива.

— Оправдана ли работа в органах КГБ по 30—40 лет? Как это влияет на продвижение молодых?

— Наверное, никогда молодежь не будет начинать свою жизнь с того, чтобы сначала получить пенсию, а потом работать. В жизни все происходит наоборот. Однако преемственность в кадровой работе должна обеспечиваться непременно,

Недавно мы проводили на пенсию Федора Алексеевича Щербака, возглавлявшего Шестое управление. Он проработал в органах 50 лет. Его уважительно называли «энциклопедией», он нередко сразу давал необходимые ответы по тем или иным вопросам. Таких людей, как он, нужно активно использовать в воспитательной работе с молодыми сотрудниками.

Решения об увольнении на пенсию наших сотрудников необходимо принимать в индивидуальном порядке. Один «сгорает на работе» в 50—55 лет в силу тех или иных причин, а у другого и в 70 лет энергии хоть отбавляй.

Хотел бы призвать всех вас очень бережно относиться к ветеранам. Внимание к ним — это уважение к себе. Если где-то есть ветераны, о которых забыли, которых не посещают, — это непростительно. Нужно обязательно установить с ними контакт, чаще приглашать их, проводить специально для них собрания, совещания. Работая с ветеранами, мы воспитываем себя, мы становимся как люди краше, чище, благороднее.

— Может ли сотрудник Комитета принимать участие в деятельности неформальных объединений?

— Этот вопрос своевременный, актуальный и сложный во всех отношениях. У нас нет законодательства, которое регулировало бы участие различных должностных лиц, служащих государственного аппарата, военнослужащих в тех или иных видах общественно-политической деятельности. Во многих странах такие положения существуют. Видимо, есть смысл и нам разработать соответствующие правовые нормы.

Рассмотрим этот вопрос в двух аспектах: правовом и политическом. С точки зрения закона чекист может участвовать в работе различных общественных объединений. Однако в каждом конкретном случае следует определять, является ли в политическом плане оправданным такой поступок чекиста, почему он принял участие в деятельности того или иного неформального объединения, чем не устраивает его работа нашей партийной организации, какие цели он преследует. И лишь после этого можно делать соответствующие выводы. Если будет признано, что такой товарищ не может далее находиться в чекистской среде, видимо, придется расстаться с ним.

Мы должны заботиться о моральном здоровье наших кадров, хорошо знать, в мире каких эмоций, взглядов, мнений живут наши сотрудники.

Если мы с вами упустили человека, если он оказался под влиянием чуждых нам идей, то это свидетельствует о серьезных изъянах в нашей воспитательной работе.

— Секретное делопроизводство ведут лица вольнонаемного состава, самая низкооплачиваемая категория, поэтому на данном участке работники меняются чаще всего. Считаем целесообразным,

чтобы эту должность занимали военнослужащие. Каково Ваше мнение по этому вопросу?

— Я полностью согласен с такой постановкой вопроса. Эту актуальную проблему мы неоднократно пытались решить, но каждый раз нас сдерживали размеры фондов заработной платы. Есть смысл еще раз вернуться к ней и по возможности решить ее положительно, по крайней мере для определенных категорий указанных работников.

— Не намерено ли руководство КГБ и Партиком рассмотреть вопрос о дифференциации окладов сотрудников с учетом того, находится ли сотрудник непосредственно на острие борьбы с преступными посягательствами, то есть работает с оперативными силами и средствами, расследует уголовные дела, или нет, принять меры к поднятию престижа агентурной работы?

— Этот вопрос возникает постоянно. У нас существуют определенные градации по должностным окладам и званиям. Видимо, необходимо, с одной стороны, более гибко маневрировать окладами, а с другой — использовать иные возможности поощрения. Их арсенал достаточно широк. В частности, те товарищи, которые были в Афганистане, получили определенные льготы.

Что касается принятия мер к поднятию престижа агентурной работы, то я с этим полностью согласен. Считаю, что у нас нет более важного направления, чем эта работа. Те товарищи, которые еще недооценивают ее значения, не до конца разобрались в самой сути чекистской деятельности.

— Лет пять назад сотрудники КГБ относились к категории высокооплачиваемых. Сейчас об этом говорить уже не приходится. Что планируется руководством и Партиком для повышения материального уровня жизни с учетом процессов инфляции и расслоения общества по уровню доходов?

— Во-первых, я не согласен с тем, что мы уже не относимся к категории высокооплачиваемых. Соотношение наших денежных окладов со средней заработной платой по стране всем известно.

Хотел бы призвать реально оценивать положение в стране. В настоящее время у нас на один рубль приходится товаров на 18 копеек. Это крайне тревожный показатель. Для того чтобы быстро насытить рынок, необходимы высокие темпы — производить каждый год потребительской продукции примерно на 25—30 процентов больше. Известно, что в последние годы произошел значительный рост денежных доходов населения при необеспеченности рынка товарами. Были допущены и иные просчеты в экономике.

Реальной возможности в настоящий момент повысить денежное содержание сотрудников КГБ не имеется. Видимо, здесь надо застась терпением. Что касается работы по поиску возможных вариантов улучшения материального обеспечения чекистов, то она ведется.

— В условиях значительного роста цен, открытия кооперативных кафе и ресторанов, которые вынуждены посещать операторы с иностранцами, суммы, отпускаемые по статье девятой расходов, представляются недостаточными. Будут ли они пересматриваться в ближайшее время?

— Они уже пересмотрены, вы должны об этом знать.

— Предусматривается ли сокращение ассигнований на обеспечение подразделений КГБ специальной техникой?

— В принципе нет, но по некоторым направлениям мы сократили расходы.

— Каковы перспективы внедрения персональных компьютеров?

— Процесс компьютеризации в КГБ идет. Однако хотелось бы заметить, что нельзя рассматривать ЭВМ как универсальное средство, которое позволит нам найти ответы на все вопросы и решить стоящие задачи.

Во-первых, надо четко определить круг вопросов, решаемых с помощью ЭВМ. Во-вторых, необходимо обучить кадры работе с ними.

Процесс внедрения персональных ЭВМ должен идти поэтапно. Необходимо учитывать, что здесь ориентироваться на Запад мы не можем. Нужно рассчитывать в основном на нашу отечественную технику. Сейчас у нас на базе персональных ЭВМ создано более двадцати типов автоматизированных информационных систем и рабочих мест. Но это только начало.

Важно подчеркнуть следующее. Нужно обязательно находить и поддерживать энтузиастов, людей, которые заразились этим делом, тех, у кого есть конкретные предложения, идеи. Надо учитывать их мнения и тем самым двигать дело компьютеризации вперед, чтобы не получилось так, что у нас сотни компьютеров будут пылиться на столах.

— Когда будет решен вопрос о компьютеризации контрразведывательных процессов всего Комитета?

— Товарищи, надо прямо сказать, что это будет не скоро.

По опыту разведки могу сказать следующее. В 70-х годах, когда была создана автоматизированная система управления ПГУ КГБ СССР, некоторые товарищи исходили из того, что система будет решать многие оперативные задачи и чуть ли не «раскрывать шпионов». Очень скоро стала понятна ошибочность подобных ожиданий. Поэтому был взят курс на создание отдельных, сугубо специализированных информационных систем.

Что касается общей системы, то ее задача заключается в том, чтобы лучше координировать, обеспечиватьстыковку между этими автономными автоматизированными подсистемами, которые существуют в различных подразделениях Комитета госбезопасности.

— Какие реальные шаги предпринимаются по выполнению решения Коллегии от 23 декабря 1988 года «Об углублении перестройки хозяйственной деятельности в системе КГБ СССР в условиях радикальной экономической реформы»?

— Если говорить о хозяйственной деятельности Комитета госбезопасности, то при правильной, оптимальной ее организации мы можем серьезно повысить жизненный уровень наших сотрудников, обеспечить их продуктами питания, другими товарами. Для этого только нужен хозяйствский подход. Поэтому любые возможности надо использовать.

Например, недавно в распоряжение Комитета госбезопасности в разовом порядке выделено около 250 гектаров земли с очень хорошими угодьями. Если к освоению этого участка подойти по-хозяйски, то там можно организовать рыбное хозяйство, разбить сады, рассмотреть возможность создания животноводческого комплекса.

У нас есть и другие участки земли в Московской области, в различных регионах Советского Союза. Порой эти десятки, сотни гектаров годами пустуют и не используются. Поэтому надо подумать, как с максимальной отдачей использовать то, что у нас есть. Ведь даже сейчас продукция наших подсобных хозяйств позволяет около двух месяцев в году полностью обеспечивать мясом наши предприятия общественного питания.

— В условиях ужесточения визовой политики в отношении советских представителей за рубежом остро встает проблема адекватных ответных мер. Какова позиция руководства КГБ по данной проблеме? Что планируется предпринять для придания большей последовательности и принципиальности при осуществлении ответных акций?

— В этом вопросе, мне кажется, у нас дело здорово подправилось. Действительно, раньше были такие случаи, когда ответных акций мы не предпринимали и от этого терпели очень большой политический и моральный ущерб. Вспомните хотя бы пример с высылкой из Франции 47 советских работников. Сейчас позиция руководства нашей страны заключается в том, что нужно обязательно принимать адекватные ответные меры. Первыми, кого мы проучили, были англичане. В дальнейшем на каждую подобную акцию того или иного государства мы отвечали соответствующим образом. Вы помните, конечно, какие меры были приняты в ответ на действия американских властей. Мы проявили здесь выдержку, твердость, и сейчас американцы сами поднимают вопрос о восстановлении положения, существовавшего до проведения ими своей акции. Одним словом, в каждом конкретном случае все обстоятельства взвешиваются самым тщательным образом и принимается соответствующее решение.

В вопросе выдачи виз применяется тот же принцип: нашим не дают, и мы задерживаем.

— Какие меры будут приниматься в борьбе с организованной преступностью? Роль органов КГБ в этой деятельности.

— Будем принимать самое активное участие в этой работе. Сейчас, кстати говоря, решается вопрос о том, чтобы поручить Комитету госбезопасности расследование ряда конкретных крупных дел. Думается, что уровень следственной работы в КГБ позволяет раскрывать очень серьезные преступления. Кроме того, в нашем распоряжении имеются и другие возможности.

— Какой Вам видится роль офицерского собрания в системе КГБ?

— Министерство обороны разработало проекты положения об офицерском собрании, собрании прапорщиков, судах чести офицеров и прапорщиков. Скоро предполагается принять закон. Необходимо посоветоваться с партийной организацией. Возможно, эта форма будет использоваться и в КГБ. Во всяком случае, в войсках Комитета она вполне приемлема.

— Многие средства массовой информации в СССР изображают Сахарова и его жену Боннэр чуть ли не героями, борцами за правду и справедливость. Каково отношение ЦК КПСС и руководства КГБ к этим лицам?

— Хотел бы сказать, что история с Сахаровым и его женой Боннэр непростая. Мне думается, что за время своей политической деятельности они наговорили и совершили много такого, что затрагивает честь, достоинство, престиж Советского Союза. Вместе с тем было и так, что в правовом отношении с ними поступали не самым оптимальным образом.

В связи с этим вопросом хотел бы сказать следующее. Если мы хотим быть на высоте положения, то надо коренным образом пересмотреть свои отношения с прессой. Мы за целый ряд публикаций критикуем средства массовой информации: «Московские новости», «Огонек» и другие. И пожалуй, вполне справедливо. Однако если мы будем ждать, когда к нам кто-нибудь придет сам, то мы этого можем и не дождаться. Необходимо проявлять больше инициативы в установлении связей со средствами массовой информации: встречаться с редакторами, с журналистами, с коллективами, проводить индивидуальные беседы, давать журналистам материалы, разъяснять им нашу позицию и тем самым влиять на них.

Бот недавно в «Московских новостях» выступил бывший сотрудник органов госбезопасности Любимов, предлагая начать сотрудничество двух разведок — американской и советской. Конечно, можно писать все, что угодно, и в редакции газеты, видимо, подумали, что поднимают важную проблему. Мы не отвергаем возможности контакта с ЦРУ США по отдельным вопросам, допустим, международного терроризма, то есть по сугубо конкретным проблемам. В декабре 1987 года, во время пребывания в США, у меня такие контакты были. Кстати, это была первая встреча на уровне руководителей разведок, хотя во время прошедших бесед мы больше спорили, чем обсуждали совместные дела.

Но, видимо, главное заключается в другом. Объективной реальностью является то, что ЦРУ проводит против нас враждебную деятельность. Возьмем афганскую проблему. Разве можем мы говорить о сотрудничестве там, где ведем явное противоборство? Ни в коем случае. А газета публикует подобный материал и считает, что делает великое дело.

Поэтому полагаю, что если наши товарищи свяжутся с этой газетой, дадут соответствующую справку, то редакция, возможно, будет сожалеть о публикации этого сомнительного материала.

Есть отдельные деятели, которые пытаются выступать в роли экспертов по вопросам, далеким от сферы их профессиональной деятельности. Так почему же мы на них не оказываем влияния? Если говорить о Сахарове и Боннэр, то, возможно, имеет смысл встретиться с ними. Не для того, чтобы встать на дружескую ногу — наверное, это дело нереальное, — а для того, чтобы прояснить хотя бы некоторые вопросы.

В общем, речь идет о том, что мы еще недостаточно умело используем появившиеся с расширением демократии и гласности возможности. Следовательно, необходимо сделать соответствующие выводы. Начать публикацию материалов, делая это интеллигентно, культурно, взвешенно, не в ущерб нашим принципам, четко показывая нашу позицию.

— Скажите, будут ли допущены в Чекистский зал Клуба имени Дзержинского рабочие и служащие города Москвы? Если да, то с какого времени?

— Вопрос этот решается положительно.

В этой связи нам нужно внимательно просмотреть экспозиции чекистских залов, музеев в центре и на местах в свете работы по реабилитации, проводимой в стране. Три года назад я был в Свердловске. Там мне показали богатейший чекистский зал, где сейчас, учитывая произошедшие в последнее время переоценки прошлого, некоторые вещи надо немедленно снимать. Поэтому, прежде чем показывать экспозиции Чекистского зала рабочим и служащим Москвы (а это делать надо), следует внимательно изучить то, что мы будем там выставлять.

— Расскажите, пожалуйста, о путях укрепления и расширения связей чекистских органов с трудящимися в деле обеспечения госбезопасности, а также перспективах правового обеспечения работы на этом направлении.

— В этой работе, как мне кажется, есть один существенный недостаток: мы слабо используем общественность, радио, телевидение, нашу прессу, вообще всю гамму средств массовой информации для борьбы с преступностью. Только вместе с общественностью можно искоренить это зло. Мне недавно рассказали о положении дел в одном городе. Ситуация тяжелая: там действуют банды. Многие из них возглавляют рецидивисты, но они держатся в тени, при нуждая подростков, входящих в состав этих банд, совершать самые тяжкие преступления. Милицию там увеличили в несколько раз,

но она оказалась бессильной, потому что число участников этих банд куда больше, чем самой милиции. В то же время общественность стоит в стороне и ждет, когда с этим злом будет покончено. Так ничего не выйдет.

Если мы хотим привлечь к обеспечению государственной безопасности трудящихся, надо более предметно, на конкретных примерах объяснять им наши задачи, надо смелее идти в коллективы, в семьи, проводить встречи, приглашать людей к себе.

Думаю, что нам стоило бы посоветоваться в ЦК партии и по такому вопросу. Часто проводятся совещания представителей партийных, советских и хозяйственных органов, на которых обсуждаются те или иные проблемы, касающиеся жизни партии и общества. Может быть, нашим товарищам есть смысл выступать там с сообщениями и докладами, особенно в части, касающейся хозяйственной деятельности, применительно к связям с зарубежными странами.

— Будет ли принято политическое решение о закреплении в подготавливаемом Законе о госбезопасности правового положения о специальных силах и средствах КГБ, порядке ограничения прав и свобод граждан в интересах госбезопасности?

— Я не знаю, что конкретно имеют товарищи в виду под специальными силами и средствами КГБ. Определенные возможности, конечно, есть. Их применение закреплено в соответствующих нормативных документах. Видимо, какие-то общие положения, которые давали бы нам право разработать более углубленные правовые акты, в Законе о государственной безопасности должны содержаться.

О порядке ограничения прав и свобод граждан в интересах госбезопасности. Любой закон не только дает права, он налагает и обязанности, это вполне естественно. Одна из целей Закона о госбезопасности и будет заключаться в том, чтобы конкретно указать, что могут и чего не могут делать граждане.

— Как Вы считаете, целесообразно ли было бы выдвижение отдельных сотрудников центрального аппарата Комитета кандидатами в народные депутаты по территориальным округам города Москвы?

— Полагаю, что постановка такого вопроса правомерна, и, если, допустим, у наших товарищей возникнет подобное желание к следующим выборам, думаю, что они могут воспользоваться своим гражданским правом.

— Имеет ли право партийная организация провести выборы на вышестоящую должность из числа сотрудников, находящихся в резерве выдвижения?

— Партия у нас — политический руководитель и организатор. Но если мы дадим партийным организациям право проводить выборы на вышестоящие должности, то, наверное, отступим от тех принципов, которые сейчас вырабатывает и которых придержива-

ется наша партия. Другое дело — высказать свое мнение, отношение к тому или иному сотруднику. Это, товарищи, партийцы не только должны, а просто обязаны делать. Это повышает авторитет партийных органов и не противоречит принципу единоличия.

Ю. В. АНДРОПОВУ — 75 ЛЕТ

15 июня исполнилось 75 лет со дня рождения видного государственного и политического деятеля Юрия Владимировича Андропова (1914—1984), возглавлявшего Комитет государственной безопасности СССР в 1967—1982 годах.

Верность ленинизму, организаторский талант, обширные знания, принципиальность, жизненный опыт снискали Ю. В. Андропову высокий авторитет в партии и народе. Еще в середине 60-х годов Юрий Владимирович предложил свою программу дальнейшего развития страны, и многое из того, что он говорил тогда, претворяется в жизнь сегодня.

Ю. В. Андропов любил писать стихи. Ниже публикуется одно из его стихотворений.

Да, все мы смертны, хоть не по нутру
Мне эта истина, страшней которой нету,
Но в час положенный и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет седая Лета.

Мы бренны в этом мире «под луной»:
Жизнь — только миг, небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают люди.

Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

ПЕРЕСТРОЙКА: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Дискуссионная трибуна

НАШИ МНЕНИЯ: ПОДДЕРЖИВАЕМ, СПОРИМ, ПРЕДЛАГАЕМ

Сотрудник НИИ ВГУ КГБ СССР подполковник В. ЧОГОВАДЗЕ:

Агентура по-прежнему является важнейшим средством решения задач, стоящих перед разведывательными и контрразведывательными подразделениями органов КГБ. От качества и состояния агентурного аппарата во многом зависит результативность оперативной деятельности. Поэтому мне кажется весьма важным и своевременным предложение организовать широкое обсуждение проблем работы с агентурой в современных условиях.

Представляется полезным обсудить мнение ряда органов КГБ о разделении агентов на «разработчиков» и «информаторов». Такой подход был бы правомерен, если рассматривать деятельность агента-информатора как амплуа, которое он исполняет по поручению оперработника в течение достаточно длительного периода времени. Но если этот помощник не способен принимать участие в разработке интересующих органы КГБ лиц, то он не агент.

Вербовка агентов должна носить целевой характер. То есть она осуществляется для решения каких-то конкретных задач. После их выполнения агент длительное время может и не использоваться активно, поскольку обстоятельства не требуют привлечения его к решению других оперативных вопросов. В таких случаях можно согласиться с предложением КГБ Белорусской ССР об отнесении подобных агентов к «действующему резерву агентурного аппарата органов госбезопасности». Но считать их пассивными нельзя. Возможно, они весьма активно использовались в мероприятиях, ради которых были завербованы, и проявили себя там с лучшей стороны. Их, видимо, целесообразно отнести к категории временно утративших оперативные возможности с зачислением в «действующий резерв агентуры».

В этой связи возникает неоднозначное отношение к делению агентов на ценных, особо ценных и, так сказать, «стандартных»,

которых в агентурном аппарате пока абсолютное большинство. Какие критерии использовать при отнесении агента к той или иной категории? По реально полученным результатам или по потенциальным возможностям? Насколько они объективны? И как расценивать агента, благодаря которому были получены крупнейшие результаты (и он был занесен в разряд особо ценных), но в дальнейшем в течение многих лет от него не было никакой отдачи? Следует ли в таком случае перевести особо ценного агента в разряд пассивной агентуры? Думается, что оценивать следует конкретные конечные результаты работы, а не промежуточный полупродукт, каким является вербовка агента. Ведь вербовка агента — это создание предпосылки, хотя порой и решающей, для получения результата, но еще не сам результат.

Разделяю точку зрения тех сотрудников, которые считают нецелесообразным закрепление вербовок советских граждан на идеино-политической основе посредством отбора у них подписки о сотрудничестве. Ведь, по существу, отбор подписки о сотрудничестве является формой «завуалированного» недоверия к агенту и может психологически тяжело восприниматься, и нередко воспринимается, последним. Это может в определенных условиях сказаться в дальнейшем. К тому же агент — не тот человек, который дал формальное письменное обязательство о сотрудничестве, а тот, который с желанием участвует в мероприятиях органов КГБ, нередко в ущерб своим личным планам.

Добиться такого отношения к выполнению поручений органов КГБ можно лишь в том случае, если агент испытывает доверие и личную приязнь к оперативному работнику, потребность общения с ним, а их обоих объединяет осознание значимости задач, которые они решают. Только отношения искреннего доверия и равноправного партнерства между оперативным работником и агентом могут являться основой для получения серьезных результатов в оперативной работе.

В моей практике встречался случай, когда агент представил информацию об изменнических намерениях высокопоставленного сотрудника Министерства иностранных дел СССР, находившегося с семьей за границей в одной из натовских стран. Проверка информации седьмым отделом ВГУ (в то время МИД СССР являлся объектом оперативного обеспечения этого подразделения) и Управлением «К» ПГУ подтвердила сообщение агента. Дипломат был возвращен в СССР, уволен из МИД (поводом послужило сокрытие им данных о своих ближайших родственниках, проживающих за границей) и взят в оперативную разработку. Члены семьи дипломата являлись весьма близкими людьми для агента. И последнему было, очевидно, очень непросто сделать нравственный выбор между долгом гражданина (к тому же помощника органов КГБ) и дальнейшей судьбой этих лиц, сознавая, к каким последствиям для них лично приведут сообщенные сведения. Думается, что в данном случае правильное решение агентом было принято не в последнюю очередь благодаря доверию к операторнику.

В приведенном случае агент представил письменное сообщение, весьма объемное. Хотя чисто психологически ему трудно было это сделать. Поэтому мне кажется нецелесообразной регламентация обязательного представления агентом письменного сообщения. В конце концов для органов КГБ важно содержание информации, а не форма ее представления. В подобных вопросах логично проявление достаточной гибкости.

Поскольку агентура является наиболее острым средством, используемым в решении оперативных вопросов, совершенно необходимо знать ее возможности и точно оценивать степень надежности. Для объективного определения этих качеств требуется всестороннее и систематическое изучение агентов (и не только иностранцев) с использованием всех возможных средств, в том числе и оперативно-технических. Более того, в отношении агентуры, используемой в особо серьезных оперативных мероприятиях, целесообразно проведение экспериментов, если возникают какие-либо сомнения в надежности агента. Вообще для принятия более объективного решения о возможности использования того или иного агента в серьезных оперативных мероприятиях, видимо, было бы целесообразно проводить как бы их паспортизацию. В этих целях в личном деле агента завести специальный сертификат, в котором отражать позитивные моменты в его сотрудничестве с органами госбезопасности (проявленные в оперативно сложных ситуациях инициатива, находчивость и т. д.), а также просчеты, ошибки, факты злоупотребления сотрудничеством с органами КГБ. Такой подход позволит любому сотруднику (например, начальнику УКГБ), не работавшему постоянно с данным агентом, принять обоснованное решение о возможности использования этого помощника в серьезных оперативных мероприятиях.

Вопрос о том, чтобы в число основных задач, решаемых органами КГБ, входила и борьба с организованной преступностью в сфере экономики, безусловно, заслуживает внимания. На мой взгляд, передача этих функций в компетенцию органов КГБ, несомненно, способствовала бы резкому повышению раскрываемости этого вида преступлений и, вероятно, снижению числа вновь возникающих преступных групп. Приказ КГБ СССР № 00140 от 4 июля 1983 года говорит об участии агентуры «в необходимых случаях в выявлении хищений и расхитителей социалистической собственности, взяточничества и спекуляции в особо крупных размерах», что является правовым основанием для работы органов КГБ на этом направлении.

Но оговорка «в необходимых случаях» не позволяет дать однозначное толкование этому положению нормативного акта, что, по существу, лишает его юридической силы. А коль задача борьбы с организованной преступностью возложена и на органы КГБ, то нужно, чтобы они были наделены и соответствующими полномочиями в части разработки всех лиц, в отношении которых получены серьезные компрометирующие материалы. Необходимость представления таких полномочий органам КГБ обуславливается характером данного вида преступной деятельности, отличающегося

тем, что в преступления, порой, втянуты отдельные работники партийных и советских органов, в том числе высокого уровня. Необходима тщательная проработка вопроса о порядке информирования местных партийных органов о материалах (результатах) дел по этому виду преступлений.

За период активной работы с агентурой мне неоднократно случалось поощрять помощников от имени органов КГБ. В упомянутом эпизоде агент, представивший информацию об изменнических намерениях советского дипломата, за три года, в течение которых он находился на связи, дважды поощрялся ценностями подарками за конкретные оперативные результаты. Одному из агентов, выполнившему за рубежом разведывательное задание по линии научно-технической разведки, был вручен ценный подарок стоимостью 300 рублей. Группе помощников, участвовавших в течение полутора лет в разведывательной операции по добыче важной научно-технической информации, были вручены ценные подарки на общую сумму почти две с половиной тысячи рублей. Поощрялись и некоторые другие агенты, находившиеся на связи. Однако трудно представить, чтобы кто-либо из упомянутых помощников из числа советских граждан согласился получать постоянную плату за оказываемую ими помощь органам госбезопасности.

Очевидно, встречаются в практике случаи, когда требуется возмещение моральных и материальных потерь агенту, которые он несет, выполняя задания органов КГБ. Компенсация может осуществляться и в денежной форме. Но широкое внедрение в практику платной агентуры, на мой взгляд, закономерно приведет к тенденциозной подаче фактов и другим злоупотреблениям. Для органов КГБ такой путь неприемлем.

В заключение хотелось бы высказать мнение, что, несмотря на дополнительные сложности, которые появились в практической деятельности органов КГБ в современных условиях и которые обусловливаются не всегда объективными, а порой и тенденциозными публикациями в нашей прессе, достижение высоких результатов в оперативной работе возможно при условии повышения профессионализма сотрудников, формирования и развития у них целевой установки на получение серьезного результата, рациональной организации оперативного процесса в подразделениях и интеграции усилий различных аппаратов органов КГБ.

**Начальник шестого отдела
УКГБ СССР по Липецкой области
полковник В. ТИХОНОВ:**

Агентурная работа как самая острая форма чекистской деятельности (разведывательной и контрразведывательной) прежде всего предполагает ее нацеленность на противника, посягающего на безопасность советского государственного и общественного строя.

Следовательно, агентурная деятельность органов госбезопасности должна осуществляться только там, где есть противник или прогнозируется его появление, а агенты должны вербоваться из числа лиц, способных и имеющих возможности выявлять, разрабатывать, пресекать и разоблачать конкретные разведывательно-подрывные и иные враждебные действия спецслужб.

В этой связи полагаю, что вербовку агента следует считать осуществленной при сообщении кандидатом устно или письменно сведений о возможной враждебной деятельности конкретных лиц по подрыву государственной безопасности СССР, представлении иных оперативно ценных материалов, получение которых не представляется возможным через открытые источники информации, и при согласии кандидата сотрудничать с органами.

Внедрение указанных аспектов в новые подзаконные нормативные акты, регулирующие агентурную работу органов госбезопасности, будет наиболее соответствовать принципам правового государства и явится не только залогом обеспечения требований социалистической законности в агентурном процессе, но и главным условием, способствующим созданию, наиболее рациональной расстановке и поддержанию работоспособного, боевого агентурного аппарата.

Предлагаемые принципы фактически исключают разделение агентурного аппарата на агентов-разработчиков и агентов-информаторов, выделение «действующего резерва агентурного аппарата органов госбезопасности». Подобные предложения, по моему мнению, неприемлемы, так как они могут привести оперативный состав к самоуспокоенности и явятся позициями, оправдывающими недостатки работы с агентурой. Агент по своему изначальному понятию и предназначению должен быть постоянно действующим, боевым средством органов госбезопасности.

Ставить под сомнение деление агентов на ценных и особо ценных не следует, ибо в § 3.8 Положения, объявленного приказом № 00140 от 4 июля 1983 года, четко определены критерии таких негласных помощников из советских граждан и иностранцев. Подобное разделение порождено чекистской практикой, и его отрижение может привести к обезличке кропотливой, профессионально сложной работы оперативного состава по приобретению и подготовке агентов, действующих в среде противника, добывающих исключительно важные материалы для обеспечения государственной безопасности нашей Родины.

Считаю также желательным в новом нормативном акте предусмотреть возможность ежемесячного денежного вознаграждения агентам, участие которых в активных чекистских мероприятиях связано с риском для жизни, собственным благополучием, значительными затратами личного времени, сложностями морального и психологического характера. Это станет вознаграждением агенту за конкретный труд в особых условиях. Создание же отдельной категории платных агентов фактически будет противоречить процессам, происходящим в стране в обстановке расширения демократии и гласности.

Закрепление вербовки письменными или устными обязательствами о согласии сотрудничать, избрание псевдонима можно оценить как формальности, не имеющие юридической силы. От агента, вербуемого из советских граждан, следует получать лишь обязательство о неразглашении сведений, ставших ему известными в процессе сотрудничества, как от лица, допускаемого к ведомственным секретам органов КГБ. Подобное обязательство, данное вербуемым в устной форме, необходимо негласно записывать на пленку, которую хранить в личном деле агента.

Вместе с тем в новых нормативных актах желательно расширить права начальников оперативных отделов, в том числе и территориальных органов, предоставив им возможность самостоятельно решать вопросы исключения из агентурного аппарата лиц, утративших оперативные возможности, при отсутствии в материалах личного дела компрометирующих агента сведений.

Что же касается порядка оформления личных дел на агентов — будут они с разделами или без таковых, — принципиального значения не имеет. Важно обеспечить строгую конспирацию в агентурной работе. Фактически каждая вербовка агента и работа с ним — явление строго индивидуальное, и поэтому методы ее закрепления, способы связи, вопросы организации встреч, подготовки и проверки не могут быть шаблонными и их нельзя вмещать в какие-то трафаретные рамки.

Наряду с рассматриваемыми проблемами нужно решать и другие организационные и кадровые вопросы, касающиеся конспирации в работе с агентурой. Например, в большинстве территориальных органов в десятых подразделениях вопросами оперативного учета, в том числе и картотекой агентуры, занимаются вольнонаемные служащие, на которых не распространяется ряд установок и других требований, предусмотренных действующими нормативными актами для военнослужащих. К тому же вследствие этого они относятся к категории низкооплачиваемых служащих. Сказанное полностью присуще и для работников секретариатов, машинисток.

Проблем много, и решать их надо в комплексе.

РАБОТУ С АГЕНТУРОЙ — НА УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Майор Ю. БЫЧКОВ,
майор Н. ЗАДОРИН

Идущая в стране перестройка всех сфер общественной и экономической жизни, установки КГБ СССР побудили руководство УКГБ по Томской области, всех сотрудников оперативных подразделений искать новые подходы и пути решения назревших контрразведывательных задач. В частности, продолжается поиск и выработка четкой позиции по вопросу организации работы с агентурой. Этой проблеме была посвящена научно-практическая конференция руководящего и оперативного состава Управления по теме «Работу с агентурой органов КГБ — на уровень современных требований».

Участники конференции проанализировали основные факторы, обусловливающие необходимость дальнейшего совершенствования агентурного процесса, наметили пути повышения эффективности использования агентов и доверенных лиц.

Заместитель начальника второго отдела Е. П. Мамчур и начальник первого отделения пятого отдела В. С. Жигульский, в частности, остановились на вопросах, касающихся критериев оценки работы агентурристов. Они подвергли критике еще проявляющееся порой стремление оценивать результаты оперработников по количеству вербовок или находящихся на связи агентов, по числу проведенных встреч и полученных сообщений. Главным мерилом труда чекиста, отметили выступающие, должно быть глубокое знание оперативной обстановки и способность влиять на нее в нужном плане.

В выступлениях отчетливо прослеживалась мысль о том, что агентура была и остается основным и наиболее эффективным средством достижения главной цели — надежной защиты государственной безопасности СССР. Именно поэтому так актуальны требования к подбору агентов с хорошими контрразведывательными возможностями, высокими личными, деловыми и морально-волевыми качествами, а эффективность использования агентурного аппарата целиком и полностью зависит от уровня оперативного работника, от его желания и умения работать. Многие участники конференции отмечали настоятельную необходимость повышения профессионального мастерства оперативного состава, совершенствования и углубления чекистской учебы, поиска и введения в практику ростков нового положительного опыта работы в условиях демократизации и гласности. Подчеркивалось чрезвычайное значение правовой подготовки оперработников, тем более что она еще далеко не на высоком уровне. Много говорилось и о том, что впредь

должны быть совершенно исключены из практики действия, выходящие за пределы компетенции органов КГБ.

Участники конференции широко использовали в выступлениях материалы Всесоюзной научно-практической конференции органов и войск КГБ СССР, состоявшейся 10—12 декабря 1987 года.

Подводя итоги, начальник Управления В. А. Ремняков подчеркнул, что в целом процесс ломки отживших форм и стереотипов проходит медленно. Вместе с тем он, как и многие выступавшие, дал положительную оценку идеи, родившейся в процессе осмысления возможностей повышения эффективности использования агентурного аппарата. Речь, в частности, идет о привлечении к обсуждению проблем негласного сотрудничества самих агентов органов КГБ.

Расскажем об этом подробнее.

Информационно-аналитической группе было поручено подготовить для негласных помощников вопросы, сформулированные таким образом, чтобы из ответов стало ясно: как агенты понимают и выполняют требования конспирации; насколько четко представляют свои задачи, как готовятся к их выполнению; как строятся их взаимоотношения с оперработником; в чем агенты видят свою роль в перестройке жизни нашего общества (в качестве и специалиста, и негласного помощника); какие есть у них предложения по совершенствованию негласного сотрудничества и т. д.

Когда эта своеобразная анкета была подготовлена и обсуждена на совете при начальнике УКГБ, ее первый вариант решили в порядке эксперимента опробовать на 15 агентах, наиболее опытных и надежных. Затем, после рассмотрения результатов опроса на расширенном заседании совета, с учетом замечаний и выявленных недостатков пробного анкетирования (исключены повторы, краткости в формулировках) количество вопросов в анкете сократили и предложили ответить на них уже большему числу агентов с различным стажем сотрудничества.

Главная цель задуманного мероприятия — выявить резервы в работе с негласным аппаратом и дать предложения по ее дальнейшему совершенствованию. Мы понимали, что результат мог быть достигнут только в том случае, если агенты будут до конца откровенны и состоится действительно деловой и конструктивный диалог. Попутно предполагалось получить данные и о том, как оперативные работники подготовлены сами и в какой мере они способны осуществлять процесс обучения и воспитания агентов. Разумеется, были некоторые опасения, что отдельные оперработники подскажут «нужные» ответы своим агентам и объективной картины не получится. Поэтому руководство УКГБ, начальники подразделений разъясняли оперативному составу цели и задачи предстоящего опроса агентов, подчеркивая при этом, что результаты необходимы прежде всего им самим в повседневной работе. Впрочем, анкетирование показало, что опасения были напрасны. Сотрудники Управления отнеслись к эксперименту достаточно ответственно, что и обеспечило в подавляющем большинстве случаев получение от агентов полных и откровенных ответов.

Выбор участников исследования осуществлялся дифференцированно, с учетом срока сотрудничества, возраста, профессии, что позволило выяснить мнение как недавно завербованных, так и опытных агентов, а профессиональная и социальная принадлежность анкетируемых (научные работники — 26, студенты — 13, служащие — 17, рабочие — 4, служители культа — 2, пенсионеры — 2 и др.) достаточно полно отражала состав агентурного аппарата УКГБ.

Итоги проделанной работы, в какой-то мере неожиданные и поучительные, позволили конкретно судить о качестве агентурного аппарата и уровне работы с ним. Вскрылись факты, заставляющие пересмотреть некоторые подходы к агентурно-оперативной деятельности, а также напомнить оперативному составу об отдельных приказных требованиях.

Прежде всего необходимо отметить искренний патриотизм большинства негласных помощников, их готовность, не считаясь с личным временем, оказывать действенную помощь в деле защиты государственной безопасности. Так, из 90 опрошенных только один выразил пожелание встречаться с оперработником реже. Остальные, напротив, высказали предложения об учащении графика встреч. Примечательно в этом отношении пожелание одного из агентов. «Целесообразно, — пишет он, — в служебном порядке утвердить время, периодичность и места встреч с оперативным работником, желательно один раз в 10—12 дней». Красноречив и тот факт, что 27 агентов из 90 твердо убеждены, что имеют возможности и способны оказывать помощь органам КГБ в большем объеме. В подтверждение были приведены вполне резонные с оперативной точки зрения доводы. Невольно напрашивается вывод: мы в чем-то очень не дорабатываем с агентурой. Во всяком случае, нераскрыты или неучитываемые оперработниками резервы — налицо.

Ответы агентов на вопрос «в чем вы видите свою роль в ведущейся перестройке всех сфер жизни нашего общества (и как специалист, и как негласный помощник)?» пронизаны стремлением найти себя в этот переломный в истории страны момент, в них указывается на необходимость проведения в жизнь генеральной линии партии, борьбы с негативными проявлениями, помочь тем, кто сражается за позитивные перемены. Именно этим можно объяснить, что многие агенты считают своей главной задачей в негласном сотрудничестве выявление тайной или явной оппозиции перестройке, содействие профилактике негативных явлений, изобличение вредителей, оказание активной помощи органам КГБ.

В ответах агентов просматривается ожидание существенных изменений в характере заданий и интенсивности негласного сотрудничества. Причем главная роль в этом, по их мнению, принадлежит оперативному работнику, с чем нельзя не согласиться. О здоровой основе взаимоотношений агентов и сотрудников органов КГБ свидетельствуют и ответы на вопрос анкеты «что привлекает вас в сотрудничестве с органами КГБ?». Наиболее важными мотивами сотрудничества указаны следующие: сопричастность борьбе с врагами Советского государства (51), результативность оказы-

ваемой помощи, возможность влиять на негативные стороны жизни (9), взаимный обмен информацией с компетентными людьми (21), чувство долга (11), творчество (4).

Очевидно, что подобные мотивы благотворно влияют на состояние агентурно-оперативного процесса в целом.

Вместе с тем анализ результатов анкетирования позволил вскрыть наши упущения, недоработки, которые, несомненно, тормозят процесс совершенствования и активизации агентурной деятельности. Например, выявлены факты недооценки оперработниками правил конспирации, касающиеся прежде всего выбора времени и места встреч с агентами, способов связи с ними. Приведем мнение агента на этот счет: «Место встречи изменить нельзя? Людно, проглядно, открыто всем ветрам. В районе дома бывает много знакомых. Изредка неплохо бы встречаться в другом месте». «Хотелось бы, — дополняет другой агент, — исключить гостиницу как место встречи и ввести в практику встречи в выходные дни».

Выявились слабое знание отдельными оперработниками контрразведывательных возможностей агентов, их личных и деловых качеств, а также недостаточно четкое представление многих агентов об их задачах как негласных помощников, в частности долговременных, в ходе которых должен осуществляться постоянный контрразведывательный поиск. Это можно проиллюстрировать следующими их высказываниями: «Оперработник часто ставит задачу узко, приходится домысливать», «Решаю только те задачи или в том объеме, которые представляю, как решить», «Нечетко представляю себе, о каких задачах идет речь». В приведенных ответах очевидны пробелы в работе отдельных оперработников в части воспитания и обучения агентов, что и отмечено не без сарказма одним из них: «Задачи четко представляются настолько, насколько четко они ставятся!»

Несколько агентов отметили отсутствие плановости в работе с ними, ритмичности встреч.

Как выяснилось, в отдельных случаях оперработники довольно поверхностно отрабатывают задания и линию поведения агентам, не утруждая себя тщательностью инструктажа агентов, дают им не всегда продуманные и реальные задания. Например, направляют в среду, где они просто не могут быть приняты (по занимаемому положению, национальности, образовательному уровню, широте интересов и т. д.).

В нескольких случаях агенты отметили, что оперработники не всегда дают оценку их действиям. Уместно, видимо, привести несколько цитат по этому вопросу: «Я хотела бы точно знать, насколько я полезна органам КГБ сегодня и чем могу быть полезна им в будущем», «Источник интересуется состоянием доложенных дел, их дальнейшей судьбой», «Мне нужна аттестация с критическим анализом моих действий».

Результаты исследования легли в основу критического анализа агентурно-оперативной работы, проводимой подразделениями УКГБ, а также конкретных недостатков в работе отдельных сотрудников. Это позволило наметить мероприятия по совершенство-

ванию чекистской учебы, оказанию предметной помощи молодым сотрудникам через целевые контрольные явки, индивидуальный контроль за ходом их самоподготовки, совместный анализ работы с отдельными агентами.

Каждый агентурист получил возможность оценить свою деятельность с учетом выводов анализа работы нескольких оперативных подразделений УКГБ.

Поиск новых форм агентурно-оперативной деятельности, резервов повышения ее эффективности продолжается. Проведен анализ участия руководителей подразделений УКГБ в работе с агентами, а также по делам оперативного учета и сигналам. Обобщается сложившаяся в УКГБ практика стимулирования активного сотрудничества агентов с органами КГБ. Хотелось бы надеяться, что результаты активной работы томских чекистов не заставят себя ждать.

г. Томск

Из истории вопроса

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

Майор П. ПОЗДЕЕВ

На страницах Сборника разворачивается дискуссия о путях дальнейшего совершенствования работы с агентами. В этой связи, на наш взгляд, представляется целесообразным совершиТЬ небольшой экскурс к истокам зарождения агентурного аппарата в ВЧК.

Проанализированные нами материалы, и прежде всего научные разработки А. С. Велидова и И. Н. Буланова, свидетельствуют, что процесс создания агентурного аппарата в первое послеоктябрьское время протекал с серьезными осложнениями. Это объясняется рядом закономерных, взаимообусловленных факторов.

Во-первых, созданная 7 (20) декабря 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия многими рассматривалась в то время не как самостоятельный государственный орган, а лишь как одна из правительственныех комиссий, задачей которой было содействовать наведению в стране революционного порядка. На нее с момента зарождения налагались действительно чрезвычайные, но, безусловно, временные функции, продиктованные тяжелейшей обстановкой в стране.

Применение в таких условиях членами этой комиссии каких-либо звешенных, продуманных методов оперативной работы, в том числе и агентурного, представляется едва ли возможным.

Дискуссии о временном или постоянном характере существования ВЧК имели место на страницах печати, внутри партии и в самой комиссии. Особый накал они получили на I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (11, 12, 14 июня 1918 г.), на которой член Коллегии ВЧК В. Г. Евсеев и другие чекисты вынуждены были выступать с опровержением аргументов некоторых делегатов о том, что ВЧК «могло уже закрывать».

Во-вторых, важной причиной, сдерживавшей внедрение агентурного метода в деятельности ВЧК в первые месяцы после революции, являлся большей частью открытый характер борьбы с контрреволюцией. Быстро объединившиеся враждебные новому строю силы надеялись подавить молодое Советское государство как вооруженным путем, так и массовым саботажем, забастовками, экономической блокадой. Подобная тактика противника побуждала чекистские органы применять в отношении его также открытые ответные меры: аресты, облавы, засады, массовые обыски. Для проведения операций комиссией использовались вооруженные отряды Красной гвардии, группы рабочих, а в дальнейшем подразделения Красной Армии. Как указывает А. С. Велидов, для ВЧК на тот период был характерен военно-боевой путь развития применяемых ею методов.

В-третьих, на методах работы комиссии, созданной в чрезвычайно сложной обстановке, спешно комплектовавшейся кадрами, не могла не оказаться вполне понятная неподготовленность вошедших в нее лиц, которые буквально с первых дней были перегружены работой, трудились в столь экстремальных условиях. Прославленный чекист Я. Х. Петерс, являвшийся заместителем Ф. Э. Дзержинского, член комиссии с первого дня ее существования, впоследствии прямо отмечал: «Перед нами стоял сложный вопрос: как бороться с контрреволюцией?.. Испытывали мы затруднения и в выборе методов борьбы с нашими врагами: в Положении о ВЧК, принятом Совнаркомом, права ВЧК были чрезвычайно неопределенными, других инструкций не было».

И наконец, еще один сдерживающий фактор. Серьезно тормозило развитие агентурного метода в работе ВЧК негативное отношение ряда видных партийных работников, а также некоторых руководителей ВЧК и ее органов на местах к самой возможности применения его в оперативной практике. Безусловно, здесь проявилось презрение старых партийцев к царской охранке и ее провокаторам, засыпаемым в ряды революционеров, к методу провокации, как таковому. В связи с этим у ряда коммунистов складывалось убеждение, что использование агентуры ВЧК также явилось бы провокацией, противоречило бы революционной и партийной этике. Дело осложнялось и тем, что в составе правительства и руководства ВЧК находились левые эсеры, которые категорически возражали против агентурного метода. Однако, несмотря на острые разногласия по данному вопросу, даже активные оппоненты

приверженцев агентурного метода все же допускали использование завербованных негласных сотрудников в борьбе с рьяными врагами Советской власти: спекулянтами, контрреволюционерами, саботажниками. Но категорически отвергались вербовки агентов из числа членов политических партий, пусть даже и противоборствующих большевикам, исключалось и использование агентуры в отношении этих партий, что рассматривалось как провокация.

Аналогичную позицию некоторое время занимал и Ф. Э. Дзержинский.

Тем не менее было бы глубочайшей ошибкой допускать, что председатель ВЧК вообще отрицал роль агентов в чекистской практике. Наоборот, в декабре 1917 года он лично завербовал первого агента органов госбезопасности «Арского» — А. Ф. Филиппова, юриста, издателя журнала «Деньги», крупного финансиста. По заданию Дзержинского «Арский» выезжал в Финляндию, где имел связи в гельсингфорском аппарате русской военно-морской контрразведки, сумел собрать там ценную информацию о состоянии российского флота, местных белогвардейских силах и немецких агентах, убедил ряд русских офицеров перейти на сторону Советской власти.

Достигнутые Дзержинским в работе с первым же агентом результаты, несомненно, говорят о хорошем знании методов работы с агентурой царской охранки, с которой он сам активно боролся в предреволюционные годы.

В целом, несмотря на имевшие место дискуссии, ВЧК начала использовать в своей практике агентурный метод с первых же дней своей деятельности. Однако эта работа разворачивалась медленно, была не упорядочена. Вопрос о вербовке каждого нового агента решался Коллегией, пользоваться агентурой могло лишь высшее руководство и только в отношении указанного выше контингента. Отсутствовали какие-либо устоявшиеся термины для обозначения оперативных средств. Так, термины «агент», «агентура» не использовались вообще. Например, «Арский» — Филиппов проходил по документам того периода как осведомитель или секретный сотрудник. Указанные термины взяты из инструкций по работе с провокаторами, сохранившихся в архивах царской охранки.

Ввиду отсутствия необходимого количества завербованной агентуры ВЧК была вынуждена в отдельных случаях использовать в качестве агентов своих кадровых работников.

Наряду с процессом упрочения Советской власти и становления ВЧК контрреволюция, осознав бесперспективность открытых методов борьбы, быстро меняла тактику: уходила в подполье, приступала к организации тайных антисоветских заговоров, принимала попытки консолидации с империалистическими разведками. В этих условиях от ВЧК также требовалось динамичное изменение методов своей работы, скорейший переход от открытых мер противодействия к методам негласным. Тем не менее эта работа в силу указанных выше причин протекала довольно непросто и неизбежно. Можно предположить, что накал дискуссий относительно возможности использования агентов был исключительно

высоким, так как этот вопрос неоднократно выносился на повестки дня заседаний СНК.

Впервые подобный вопрос был поднят на заседании СНК, проходившем 31 января (13 февраля) 1918 года. По предложению В. И. Ленина, осознавшего необходимость оперативной работы во враждебной сфере, СНК рекомендовал создать в ВЧК «провокационный отдел». Этот термин был взят из лексикона партийного подполья. Отдел с таким наименованием в ВЧК создан не был*. Тем не менее решение СНК сыграло свою роль. 4 (17) февраля Коллегия ВЧК, рассмотрев и обсудив его на своем заседании, приняла постановление, в котором, в частности, констатировалось: «Признать, что можно пользоваться услугами (агентов. — П. П.), но с условием, чтобы это было вне комиссии». В целом данное постановление, несмотря на оговорки, предписывало начать широкое использование агентуры в борьбе со спекуляцией, бандитизмом и другими уголовными преступлениями.

23 марта Коллегия постановила развернуть осведомительскую работу среди польских легионеров, а затем было вынесено решение об организации осведомления среди бывших офицеров и генералов, служащих в Красной Армии, а также об активизации этой работы в посольствах стран Антанты и Германии.

Проблемы, связанные с использованием агентуры, были вынесены на обсуждение I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий.

Как и следовало ожидать, дискуссия между сторонниками гласных и негласных методов развернулась на конференции с новой силой. Одним из аргументов приверженцев открытых методов являлось то, что Советская власть привлекает к управлению делами государства широкие народные массы, весь народ стоит на страже этой власти, поэтому тайный характер деятельности ВЧК якобы не отвечает сущности социалистического государства. Подобные взгляды пропагандировались на конференции рядом видных чекистов.

Наиболее веские и аргументированные возражения этой точке зрения выдвинул в своем выступлении Д. Г. Евсеев, член Коллегии ВЧК. «Такой взгляд на такой серьезный вопрос не выдерживает критики... — отмечал он. — В борьбе с врагами нельзя также всецело полагаться только на помощь масс, так как одного этого фактора недостаточно для успеха... Если мы не будем иметь сок-

* В статье кандидата юридических наук подполковника А. Петрова «Социально-политические предпосылки использования агентуры в современных условиях», опубликованной в Сборнике Высших курсов КГБ СССР (г. Киев) № 18 за 1988 год, ошибочно утверждается, что «отдел ВЧК по приобретению и использованию агентов первоначально назывался провокационным...» (с. 19). При этом автор ссылается на книгу А. С. Велидова «Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК» (М., ВШ КГБ СССР, 1970, с. 126). Однако А. С. Велидов в своей работе пишет лишь о том, что Совнарком по предложению В. И. Ленина рекомендовал ВЧК разграничить ее деятельность на подотделы: провокационный, уголовный, спекуляции и контрреволюции. Изучение архивных материалов показывает, что «проводакционный отдел» в структуре органов ВЧК никогда не существовал. — Прим. автора.

ровенных ушей и глаз в аристократических салонах, миссиях и т. п., то мы не будем знать всех тех злокозненных целей, которые куются в тиши врагами Советской власти».

В выступлении Евсеева выдвигалась также важная методологическая установка на необходимость овладения органами ВЧК опытом работы с агентурой, накопленным царской охранкой. Он отмечал, что для того, чтобы сотрудники ЧК смогли выполнить поставленные перед ними задачи, они должны изучить теорию политического розыска, разработанную царской охранкой, критически проверить ее и приспособить для борьбы против врагов Советской власти.

Столь неоднозначный подход к использованию агентурного метода у участников конференции не мог не отразиться на ее решениях. Тем не менее I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий вошла в историю советских органов госбезопасности как важный этап в развитии негласных чекистских средств, так как именно на ней были впервые сформулированы наиболее важные требования к агентуре. В частности, в разработанной на конференции Инструкции ВЧК по борьбе со спекуляцией отмечалось: «Все агенты должны быть революционеры, искренне преданы делу и всегда быть готовы к выполнению тех или иных задач, возложенных на них Советской властью».

Итак, агентурный метод в деятельности ВЧК в период упрочения Советской власти прошел трудный путь становления. Его недооценка или отвержение некоторыми руководителями как метода провокационного привели к тому, что молодой советской контрразведкой не был своевременно разоблачен ряд подпольных антисоветских организаций, таких, например, как кадетский «Национальный центр», резидентура английского шпиона Поля Дюкса, и других, сформировавшихся еще зимой—весной 1919 года и окончательно раскрытых лишь осенью благодаря бдительности советских людей.

Чекистский характер

ИСПЫТАНИЕ МОРСКОЙ СТИХИЕЙ

Военный контрразведчик Сергей Богданов
награжден боевым орденом

Капитан 3 ранга А. ЗДАНОВИЧ,
специальный корреспондент «Сборника КГБ СССР»

Апрельские и майские публикации в газетах и журналах доносили во все уголки нашей огромной страны подробности обстоятельств гибели уникальной подводной лодки, получившей в ВМФ наименование «Плавник», а в открытой прессе нареченной «Комсомольцем». Стали известны многие детали ее последнего плавания, трагической и одновременно героической эпопеи — борьбы экипажа за спасение вверенной ему грозной боевой техники, битвы с морской стихией, унесшей жизни многих членов команды.

Журналисты многократно повторили имена подводников как погибших, так и волею судеб оставшихся в живых, спасенных по дошедшим рыбаками с плавбазы «Алексей Хлобыстов». В память буквально впечатались фамилии командира «Плавника» Ванина, начальника политотдела соединения Буркулакова, капитана 1 ранга Коляды, мичмана Слюсаренко и других моряков. Их фотографии, эпизоды биографий обошли все газеты, вплоть до многотиражки «Подводник Заполярья». Но лишь дважды в потоке этой информации как-то вскользь, без акцента, мазком упоминался старший лейтенант Сергей Петрович Богданов. На коллективных снимках в госпитале мы его также не найдем — ведь в те дни, когда активно работали фотокорреспонденты, Сергей Богданов находился еще в отделении реанимации, за его жизнь боролись квалифицированные врачи.

Простим журналистам такое невнимание к его личности. Многие из писавших о гибели лодки и о ее экипаже конечно же хорошо знали о том, что он был в составе команды, знали, что он сотрудник особого отдела, военный контрразведчик. Но перед ними встал непреодолимый барьер цензуры, да и объяснить в открытой печати, что делал оперработник на борту «Плавника», экипаж которого состоял всего из 69 человек, было крайне затруднительно.

Вот так офицер-чекист в силу специфики выполняемых функций остался «фигурой умолчания».

Но свидетели разыгравшейся в Норвежском море трагедии не забыли своего особыста, оказавшего посильную медицинскую помощь пострадавшим, в числе последних покинувшего тонущую подводную лодку, забывая о себе, спасавшего тех, кто, можно сказать, находился на грани жизни и смерти.

На основе рассказов подводников, а также руководителей Богданова и товарищей по чекистской работе, первыми встретивших его на крейсере «Киров», который принял на свой борт спасенных моряков, мы попытаемся воссоздать картину происшедшего, показать действия чекиста в экстремальной ситуации с непредсказуемыми во многом последствиями.

Чтобы правильно понять и оценить действия Сергея Богданова, начать нам, видимо, надо не с аварии, а с предшествовавших ей дней и месяцев.

В декабре минувшего года по указанию руководства Богданов сосредоточил свои усилия на контрразведывательном обеспечении подготовки экипажа подводной лодки к выходу на боевую службу. И хотя штатная численность личного состава была небольшая, вопросов возникло немало.

Дело в том, что, будучи совсем молодым сотрудником, окончившим Высшие курсы военной контрразведки лишь в феврале 1988 года, он еще не приобрел необходимого опыта. Сказалось также и его длительное отсутствие в отделе. С первым экипажем он находился в море около ста сорока суток. Добавьте сюда отпуск, в том числе дополнительный — за особые условия службы, время на восстановление здоровья после похода.

— Будучи человеком ответственным, с обостренным чувством долга, — отметил секретарь партийной организации особого отдела дивизии атомных подводных лодок Северного флота капитан 3 ранга Е. Я. Зеленый, — Сергей остро переживал случавшиеся промахи и возникавшие трудности. Но он не пасовал, не терялся, а, наоборот, с еще большим упорством продолжал работу. Ввиду сложности организации связи с агентурой, как и весь экипаж, крайне занятой подготовкой к выходу, Богданов фактически перешел на ночной режим, то есть проводил явки поздним вечером, а иногда и ночью. В итоге он сумел в короткий срок реализовать указания своих руководителей, которые перед уходом подводной лодки на боевую службу действиям Богданова дали положительную оценку.

Прервем на время рассказ Е. Зеленого и еще раз обратим внимание читателей на его мысль о том, что Богданову присущее такое необходимое чекисту качество, как умение концентрировать свои усилия на главном, зажать в кулак волю и сделать все возможное для достижения необходимого результата. Об этом говорилось и в документах, составленных сотрудниками особого отдела при оформлении его на работу в органы государственной безопасности, подчеркивалось во время моих бесед с коллегами Сергея Петровича и с теми, кто знал его в бытовой, домашней обстановке.

Отнюдь не показная, а внутренне присущая ему мягкость в общении с людьми, душевность, готовность к сопереживанию сочетались с твердой волей, непреклонностью в сложных обстоятельствах, что наглядно проявилось, выяснилось как лучами мощных прожекторов в той ситуации, в которой оказались подводники «Плавника».

Послушаем дальше, что говорит Е. Зеленый.

— Работали мы с Богдановым в одном кабинете, часто обсуждали насущные вопросы контрразведывательного обеспечения экипажей подводных лодок, объективно складывающиеся условия, существенно влияющие на эффективность нашего труда. Видимо, как и многие молодые чекисты, Сергей ощущал некоторый разрыв между знаниями, полученными в чекистском учебном заведении, и тем, с чем столкнулся на практике. Не только я, но и другие сотрудники нашего отдела В. Ф. Ляшенко и В. Н. Папижук оказывали Богданову посильную помощь в становлении его как оперработника, как агентуриста.

— Он никогда не стесняется спрашивать, уточнять, выверять с товарищами свои оценки тех или иных явлений, — вступил в разговор капитан-лейтенант В. Папижук. — Это в общем-то и понятно. Ведь Богданов в прошлом году больше других коллег по отделу был в море, несколько подотстал в чекистской учебе, не успел глубоко изучить новые нормативные документы, поступающую специальную литературу. А тут еще наш бывший начальник отдела стал часто прибаливать и, естественно, не смог уделить ему необходимого внимания. Несмотря на это, Сергей готовился к работе в условиях боевой службы, готовился ответственно, не считаясь со временем.

И эта подготовка дала плоды. В особом отделе корреспонденту Сборника показали оперативные документы, в том числе шифровые связи, которые, несмотря на все сложности, Сергей Богданов спас. Держу в руках листочки с расплывшимся от соленой воды текстом. В отдельных местах их еще можно прочитать. Судя по записям, Богданов неоднократно получал от негласного аппарата информацию о пусть незначительных (если так можно сказать применительно к глубоководному атомоходу) неполадках в технике, недостатках в дежурно-вахтенной службе, фактах неподготовленности отдельных спасательных средств. Обо всем этом он регулярно информировал командира лодки, находившихся на борту заместителя командира дивизии и начальника политотдела.

В то утро, 7 апреля 1989 года, Сергей Богданов зашел на главный командный пункт подводной лодки, чтобы уточнить некоторые вопросы с командиром и другими офицерами. И тут был получен сигнал о пожаре в седьмом отсеке. Дальнейшее развитие событий уже хорошо известно.

Невольно задаешь себе вопрос: что должен делать оперработник в такой ситуации? Где его место? Этот вопрос далеко не праздный, его задает себе любой, кто хотя бы косвенно связан с контрразведывательным обеспечением экипажей подводных лодок. Ведь по корабельному уставу он на борту не кто иной, как прикомандированный, у него нет строго определенного места, которое он должен занять по боевой тревоге. Чекист, естественно, не владеет в полном объеме, как другие члены экипажа, навыками борьбы за живучесть корабля. Исходя из этого, думается, надо рассматривать поведение любого оперработника, в том числе Богданова.

Какого-то шаблона, стереотипа, стандарта практика не выработала. Да и возможно ли это вообще. Ранее имевшие место аварийные ситуации, естественно, были проанализированы, обсуждались, конечно же, и с Богдановым в период подготовки к боевой службе, но в каждом случае особенности во многом заслоняли общее, поэтому и конкретные действия особистов вытекали из складывающихся условий.

Как и другие члены экипажа «Плавника», Богданов не предполагал, что лодка погибнет и море унесет жизни многих подводников.

Он прошел по еще не объятым пожаром боевым постам, увиделся с агентами. При этом Богданов был уверен, что они правильно поймут его появление и будут действовать в экстремальной ситуации в соответствии с ранее полученным инструктажем.

Вероятно, информация его агентов помогла бы в работе созданной позднее государственной комиссии, ведь они находились в наиболее «горячих точках», лично участвовали в реализации мер по спасению подводной лодки. Но из них в живых остался лишь один.

До конца боролся с огнем в пятом отсеке лейтенант А. Шостак, которого Богданов готовил для работы в органах КГБ. Сердце Сергея сжалось от вида поднимавшегося на верхнюю палубу своего боевого товарища — кожа буквально кусками свисала с его рук. Шостак скончался уже на плоту, стиснув зубы от нечеловеческой боли, причиняемой ожогами и соленой водой, заливавшей раны.

Сориентировавшись в обстановке, Сергей вместе с корабельным врачом оказывал помощь пострадавшим подводникам, занимался их эвакуацией в относительно безопасные места. События развивались стремительно. Вот уже поступила команда подготовить к использованию спасательные плотики. Но, как назло, их крепления, тронутые ржавчиной, никак не поддавались усилиям моряков. Не обладая какой-то сверхъестественной силой, но будучи все же неплохо физически подготовленным, Богданов пришел к ним на помощь, и совместными усилиями они сорвали крепления с места, освободив резиновое тело плотика, сохранившего потом жизнь многим членам команды.

И все это время его не покидала одна мысль — гибнут люди, пожар уничтожает боевую технику, во всем нужно будет тщательно разобраться во имя оставшихся в живых, во имя других подводников, других экипажей, которые могут оказаться в такой же ситуации, но будут знать, как избежать опасных последствий. А для этого нужна подробнейшая и, самое главное, абсолютно объективная информация о происходившем на борту «Плавника».

Освободив из железных тисков спасательный плот, Сергей возвратился в амбулаторию, во время похода служившую ему и врачу подводной лодки каютой. Закрыв дверь на задвижку, Богданов разложил на столе шифродокументы. Он прекрасно осознавал, что времени в его распоряжении осталось совсем немного — уже и сюда начинал пробиваться дым.

Десять шифрогрупп — вот резерв оперработника, а если вычесть подписные и адресные группы, то их остается всего восемь. Много ли информации могут донести они? Но и эту возможность Сергей решил использовать. Ручной способ шифрования не назовешь быстрым, тем более если этим не приходится заниматься каждый день и соответствующие навыки не доведены до автоматизма. «Пожар в седьмом отсеке», — начал писать Богданов. В это время в дверь настойчиво постучали, послышались возбужденные голоса: «Сергей, срочно наверх, все эвакуируются!» Через несколько секунд это предупреждение кто-то повторил вновь. Пришлось собрать все документы и подняться на верхнюю палубу. Специально подготовленный для документов небольшой ящик Сергей повесил себе на плечо и направился к люку. Выбирался он с трудом — сказывался значительный дифферент на корму. С рубки тонущей лодки он прыгнул в воду и поплыл к плоту, облепленному со всех сторон двадцатью державшимися в холодной воде моряками.

Страшная драма разыгрывалась в волнах. Еще десяток минут назад под ногами подводников была твердь палубы родного корабля, а теперь — раскачивающаяся, не дающая опоры морская вода, плюс обжигающий ветер и холод. Гибли товарищи, так и не доплы whole to спасительному резиновому островку.

Позднее, уже во флотском госпитале, один из членов команды капитан-лейтенант Грекулев расскажет: «...мы, как могли, помогали друг другу... мы с Богдановым зама, Максимчука, держали минут сорок. Он был в «канадке». Она намокла и сильно тянула...» Сергей из последних сил боролся за жизнь замполита, но накрывшая его волна вырвала из его застывших пальцев Максимчука и подвела роковую черту.

Еще на лодке подводники знали, что к ним на помощь спешат рыбаки плавбазы «Алексей Хлобыстов». Но, когда они подойдут, было неясно, и потому многие теряли надежду на спасение. Каждый из державшихся у плота моряков хорошо знал, что при такой температуре воды, по расчетам специалистов, можно продержаться минут десять—пятнадцать. Ветер и пятибалльное волнение дорисовывали в их сознании мрачную перспективу. Силы уходили, и вдруг послышалась песня, любимая русскими и советскими моряками, — песня о гибели крейсера «Варяг». На фоне шумящего моря отчетливо звучали слова: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...» Песню подхватили все, кто еще держался у плота.

Потом корреспонденты опишут этот факт, но «забудут» упомянуть, что запел песню старший лейтенант Сергей Богданов, а в представлении командования к награждению его орденом Красного Знамени будет указано: «Находясь на плоту, принимал энергичные меры по поддержанию высокого морального состояния личного состава».

Выписавшись из госпиталя, он в одной из бесед с друзьями признается: «А ведь и знал я всего один куплет этой песни, но чувствовал, что она была нужна именно в тот момент...»

Когда плавбаза подошла к месту гибели подводной лодки, моряки находились в воде уже около полутора часов. Их подняли на

борт «Алексея Хлобыстова», поместили в зависимости от состояния в лазарете или в каютах. Рыбаков озадачил вид Богданова, еле державшегося на ногах, но с металлическим ящиком через плечо, из которого ручьями вытекала вода. Они никак не могли взять в толк, зачем тонущему человеку лишний груз. Но Сергей это знал: там, в ящике, шифродокументы, некоторые оперативные материалы, рабочий блокнот, где каждая запись может оказаться на вес золота.

Рыбаки, как могли, выхаживали хлебнувших лиха подводников, вокруг них хлопотали корабельные медики.

На следующий день к плавбазе подошел крейсер «Киров», и подводники распрощались с рыбаками. Нечеловеческое напряжение этих дней дало себя знать: Богданову пришлось надолго переселиться в реанимационное отделение госпиталя.

Выписавшись, Сергей Богданов зашел к начальнику Особого отдела КГБ СССР по Северному флоту капитану 1 ранга В. Н. Фокину. В заключение краткой беседы он попросил своего руководителя разрешить ему после выздоровления продолжить работу по обслуживанию подводных лодок.

Морской, чекистский характер.

Указом Президиума Верховного Совета СССР весь экипаж погибшего подводного атомохода награжден орденами Красного Знамени. Под номером пятым в списке значится и старший лейтенант Сергей Петрович Богданов.

Западная Лица — Североморск — Москва

УГРОЗУ МАССОВЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ УДАЛОСЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ

Полковник Л. ВЕДЕВ,
полковник В. ЗОЛОТОТРУБОВ,
кандидат исторических наук, доцент

В последние месяцы экстремистски настроенные националисты в Азербайджанской и Армянской ССР провоцируют массовые антиобщественные выступления, которые дестабилизируют социальную и экономическую жизнь в регионе.

Перед чекистами встал задача не допустить возникновения массовых беспорядков, локализовать националистическую деятельность антиобщественных элементов. Некоторые особенности этой работы мы покажем на одном конкретном примере.

От ряда агентов и доверенных лиц были получены достоверные данные о намерении экстремистов учинить 2 июля 1988 года массовые беспорядки в городе Казахе Азербайджанской ССР. В этой акции, по замыслам ее основных организаторов — учителя средней школы Гусейналиева и библиотекаря одного из техникумов Юсифовой (объект дела оперативной проверки), должны были принять участие не менее сорока тысяч человек.

Инспекторы провокации планировали вовлечь в нее азербайджанцев из приграничных районов соседних республик (Казахский район расположен на стыке Азербайджанской, Грузинской и Армянской союзных республик). С этой целью они направили своих представителей в районы Грузии, где традиционно живут азербайджанцы, а также в соседние Таузский и Евлахский районы Азербайджана. На железнодорожном и автомобильном вокзалах города Тауза в конце июня 1988 года были обнаружены листовки с призывами поддержать готовящиеся массовые выступления в Казахе. Одновременно поступали сигналы о намерении отдельных лиц осуществить экстремистские акции. Так, приехавший в Казахский район из Ташкента Садыхов призывал изготавливать бутыли с горючей смесью, ряд националистически настроенных лиц обсуждали план подрыва газопровода Азербайджан — Армения, вывода из строя газокомпрессорной станции и т. п.

Для предотвращения готовящейся антиобщественной акции в Казахе был создан оперативный штаб, который возглавил секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Гасанов.

Местное отделение КГБ в Казахе усилили опытными оперативными сотрудниками из ранее работавших здесь или уроженцев Казахского района. Кроме того, в распоряжение горотделения была выделена бригада наружного наблюдения и сотрудники ОТО. Принятые меры обеспечили возможность получения информации об изменениях оперативной обстановки, замыслах и тактических действиях организаторов планируемого антиобщественного собрания. Активно использовались агенты и доверенные лица.

В складывающейся обстановке оперативный штаб своей главной задачей считал не допустить проведение массового собрания. При необходимости предполагалось использовать, разумеется в рамках соблюдения социалистической законности, приданый контингент воинских частей Советской Армии и подразделения внутренних войск МВД. На случай же обострения оперативной обстановки были определены зоны и маршруты их патрулирования, объекты охраны, а также порядок взаимодействия армейских нарядов с правоохранительными органами.

Для того чтобы снять напряжение, вызванное целым рядом нерешенных социально-бытовых вопросов, связанных с работой транспорта, средств связи, здравоохранения, торговли, по линии партийных и советских органов в Казахский район были приглашены заместитель председателя Госплана, министры транспорта, связи, здравоохранения, ответственные сотрудники других министерств и ведомств республики. С участием указанных лиц в Акстафе (второй по величине город Казахского района), где наи-

более остро назрели социально-бытовые проблемы, состоялось собрание представителей трудящихся района (присутствовало 800 человек). На нем были даны ответы по наиболее беспокоившим трудящихся проблемам, доведены до их сведения перспективы развития района, заявлено о решении некоторых кадровых вопросов. Г. А. Гасанов обратился к присутствовавшим с просьбой не поддаваться на провокационные призывы подстрекателей.

Все это в определенной мере позволило разрядить обстановку и снизить напряжение в регионе. Одновременно активизировалась работа с наиболее уважаемыми в районе людьми — аксакалами, с тем чтобы они вели среди населения разъяснительную работу, направленную на предупреждение возможных беспорядков. С учетом имевших место трагических событий в Сумгаите особое внимание было уделено работе среди учащихся и рабочей молодежи. Некоторые подростки из неблагополучных семей приглашались вместе с родителями в милицию. Обращалось внимание учителей на необходимость усиления индивидуальной воспитательной работы с учащимися.

Из хорошо зарекомендовавших себя дружинников были отбраны триста человек, которых разбили на пятерки, возглавляемые представителями партийно-хозяйственного актива, рабочих коллективов, и тщательно проинструктировали на случай возникновения массовых беспорядков. По решению штаба воинские подразделения усилили охрану объектов жизнеобеспечения, магистрали газопровода и т. п.

Для координации действий в соседних с Казахским районах Армении провели рабочие встречи с начальниками Иждеванского, Шамшадинского и Ноямберьянского районных отделений КГБ Армении. В пограничных с Азербайджаном районах Грузии работала оперативная группа чекистов во главе с заместителем председателя КГБ Грузинской ССР.

Одновременно активно осуществлялся комплекс агентурно-оперативных мероприятий по локализации противоправной деятельности объектов, которые могли стать инспираторами антиобщественных акций. Такая работа проводилась в отношении упоминавшейся Юсифовой, занимавшейся подстрекательской деятельностью. Ее пригласили в горотделение, где строго предупредили о недопустимости впредь подобных действий. В ходе профилактической беседы Юсифова осудила свои поступки и в заключение беседы заявила, что во избежание возможных разговоров о ее участии в подготовке массовых выступлений азербайджанцев 2 июля 1988 года она не будет выходить из дома.

Как показал дальнейший ход событий, несмотря на заверения, Юсифова вскоре посетила ряд своих связей, в том числе активных организаторов планировавшихся массовых выступлений Гусейналиева и Мамедова, вступила на улице в конфликт со старшим патрулем капитаном внутренних войск, азербайджанцем. При этом всячески оскорбляла его. Однако патрульный на оскорблении не реагировал, от беседы с ней уклонился. Узнав об этом инциденте от сотрудников наружного наблюдения, оперативный работник,

проводивший профилактическую беседу с Юсифовой, высказал ей претензии, обвинил в том, что она не сдержала данное ею обещание и, вероятно, никаких выводов для себя не сделала. В ответ Юсифова заверила, что осуждает свою выходку и впредь готова нести любую ответственность за подобные действия. Как показали дальнейшие события, несмотря на настойчивые приглашения организаторов сбира, она категорически отказалась принять участие в подготовке и проведении митинга и в последующие дни из дома не выходила.

Аналогичным образом была локализована деятельность и других лидеров планировавшегося националистического выступления. В частности, учитель средней школы Гусейналиев, преподаватель сельскохозяйственного техникума Мамедов и кооператор Искандеров по материалам КГБ были профилактированы прокурором города. Органы внутренних дел по своей линии привлекли к ответственности около тридцати других активных подстрекателей готовившейся антиобщественной акции.

В итоге намечавшиеся массовые антиобщественные выступления удалось предотвратить.

РАЗОБРАТЬСЯ В ЧЕЛОВЕКЕ...

Генерал-майор С. АБДРАХМАНОВ,
полковник А. МАТВИЕНКО

Сегодня, как никогда ранее, от чекистских кадров требуется неукоснительное соблюдение соцзаконности, уважительное отношение к советским людям, к их конституционным правам и законным интересам, умение завоевывать доверие широких масс трудящихся и на этой основе влиять на оперативную обстановку, в условиях углубляющейся демократизации шире применять гласные методы профилактики антисоветских, националистических проявлений.

В качестве одного из примеров, когда оперативные работники и следователи на практике осуществили эти требования, можно рассказать о реализации дела оперативной разработки на «Подстрекателя» — автора злобных антисоветских анонимных документов. По делу был проведен комплекс оперативно-следственных мероприятий, позволивших изобличить и склонить его к выступлению в печати с осуждением своего проступка в целях профилактики негативных процессов в сфере межнациональных отношений,

Как известно, 17—18 декабря 1986 года в Алма-Ате имели место массовые антиобщественные проявления на националистической основе. Группы молодежи казахской национальности, выйдя на улицы города, высказывали несогласие с решением пленума ЦК Компартии Казахстана, рассмотревшего организационный вопрос. Ситуацией воспользовались хулиганствующие и антиобщественные элементы. Возбуждая толпу демагогическими и националистическими призывами, они спровоцировали избиение граждан неказахской национальности, опрокидывали и поджигали автомашины, чинили погромы в общественных местах. В беспорядках приняли участие студенты высших учебных заведений, часть рабочей молодежи; активно проявили себя с негативной стороны и отдельные лица из научной и творческой интеллигенции. Среди них оказался и «Подстрекатель» — И. Г. Дауранов, 1939 года рождения, беспартийный, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией НИИ педиатрии Министерства здравоохранения Казахской ССР.

Как установлено, в ночь на 21 декабря 1986 года он изготовил и распространил у здания одного из вузов Алма-Аты, студенты которого явились не только организаторами, но и наиболее активными участниками беспорядков, листовки провокационного характера. В листовках содержались антисоветские клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю политику нынешнего руководства КПСС и государства, от имени якобы существующего «Казахстанского интернационального комитета борьбы» выражались поддержка и сочувствие участникам антиобщественных националистических проявлений.

Учитывая, что данная акция была совершена в период резкого обострения оперативной обстановки, когда по городу активно циркулировали разного рода провокационные слухи о многочисленных жертвах среди участников беспорядков, в отношении которых действительно применялись меры административного воздействия (в органы милиции доставлялось более двух тысяч человек), а содержание листовок носило явно подстрекательский характер, направленный на разжигание националистического устра и возможное повторение массовых негативных проявлений, розыск «Подстрекателя» был взят руководством КГБ СССР на особый контроль. Пятое управление КГБ республики завело дело розыска анонима, а следственный отдел по факту распространения листовок возбудил уголовное дело по признакам ч. 1 ст. 56 УК Казахской ССР (антисоветская агитация и пропаганда).

На основании всестороннего глубокого анализа содержания, способа изготовления, времени и места распространения листовок, результатов комплексных криминалистических исследований, проведенных специалистами ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР и ОТУ Казахской ССР, мнений агентов-филологов, психологов и других специалистов была составлена справка-памятка о предполагаемом облике «Подстрекателя», который, как выяснилось впоследствии, оказался близким к облику автора этих документов.

В соответствии с разработанным планом агентурно-оперативных мероприятий в целях пресечения повторного распространения

листовок и поимки преступника с поличным силами оперативного состава КГБ—УКГБ и органов милиции осуществлялось патрулирование улиц и площадей города, круглосуточное дежурство в общественных местах, студенческих общежитиях, институтах. Были подготовлены оперативно-следственная группа при дежурной службе Комитета и группа захвата. На розыск «Подстрекателя» ориентировались подразделения Комитета и УКГБ областей республики.

Пришлось дополнительно изучить около 500 сигналов, поступивших от агентов и доверенных лиц. По 24 выделенным сигналам специально созданной группой разработки проводились более глубокие проверочные мероприятия с активным использованием комплекса чекистских средств. Особенно тщательно отрабатывались сигналы по Алма-Атинскому театрально-художественному институту, где были обнаружены листовки. Здесь восемь преподавателей, допускавших провокационные действия и высказывания националистического характера, были взяты в оперативную проверку и затем профилактированы.

С учетом того что образцов шрифта разыскиваемой машинки в картотечных учетах не оказалось, основные усилия были направлены на ее физический розыск в столице республики. При активной помощи группы специалистов-розыскников Пятого управления КГБ СССР и пятых подразделений ряда территориальных органов планомерно осуществлялся просмотр машинописных материалов в местах концентрации писем, жалоб и заявлений граждан. При этом особое внимание с учетом облика анонима уделялось приемным центральных учреждений, отделам писем редакций газет и журналов.

При просмотре материалов в издательстве «Казахстан» и редакции журнала «Здравоохранение Казахстана» удалось обнаружить три статьи научно-медицинского характера за подпись И. Г. Дауранова, тексты которых, по заключению специалистов ОТУ КГБ Казахской ССР, отпечатаны на пишущей машинке разыскиваемого анонима.

Чтобы выяснить, были ли у объекта соучастники, а также разобраться в причинах и мотивах, побудивших его изготавливать и распространять листовки, на И. Г. Дауранова было заведено дело оперативной разработки.

В ходе проведенного 13 марта 1987 года в его квартире специализированная группой разработки интересующая нас пишущая машинка с характерными признаками дефекта шрифта и механизма была установлена. Вызванный в этот же день на беседу И. Г. Дауранов после некоторого запирательства признался в совершенном преступлении. Санкции прокурора республики в квартире разрабатываемого был произведен обыск: обнаружены и изъяты две пишущие машинки, три листа копировальной бумаги с просматриваемым текстом листовки, писчая бумага, клей, рукописные материалы и другие вещественные доказательства его причастности к изготовлению листовок. В соответствии со статьей 109 УПК Казахской ССР И. Г. Дауранов был задержан. Ему предъявили обвинение в совер-

шении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 56 УК Казахской ССР.

Во время следствия тщательно изучались личность И. Г. Дауранова, атмосфера в его семье и в коллективе по месту работы, близкие связи, а также велась его внутрикамерная разработка. В результате чего был сделан вывод об отсутствии в действиях И. Г. Дауранова враждебного умысла, направленного на подрыв или ослабление Советской власти.

С учетом изложенного, а также того, что И. Г. Дауранов, будучи известным ученым, и на работе, и по месту жительства характеризовался положительно, ранее политически вредных проявлений не допускал, в совершенных им действиях чистосердечно раскаялся, 11 июля 1987 года по согласованию со Следственным отделом КГБ СССР и прокурором республики уголовное дело на него на основании ч. 1 ст. 45 УК Казахской ССР было прекращено и он освобожден от уголовной ответственности. По этим же мотивам после оказания на него воспитательно-профилактического воздействия было прекращено и дело оперативной разработки.

Но оперативная обстановка в республике продолжала оставаться сложной, имели место националистические проявления, факты распространения подстрекательских листовок и надписей, десятки лиц из участников беспорядков были осуждены или находились под следствием, поэтому приняли решение продолжить начатую еще во время нахождения И. Г. Дауранова в следственном изоляторе КГБ республики работу по склонению его к выступлению в печати с осуждением своих незаконных действий в целях оказания позитивного влияния на оздоровление обстановки в республике, предупреждения антиобщественных проявлений националистического характера. К тому же общественность требовала называть в печати не только студентов, участвовавших в беспорядках, но и представителей старшего поколения, подстрекавших к антиобщественным действиям.

Но как решить эту задачу? Ведь И. Г. Дауранов, находясь под следствием, во время допросов вел себя дерзко, признавшись во всем, требовал быстрее передать материалы в суд. А теперь он на свободе. Ему объявлено о прекращении уголовного дела. Согласится ли он с нашим предложением?

В то же время изучение материалов дела показало, что особенности личности И. Г. Дауранова — высокая образованность, обостренное чувство справедливости, нетерпимость к недостаткам, эмоциональность, честолюбие, озабоченность тем, как коллектив примет его после ареста, — позволяют надеяться на достижение успеха.

Было совершенно ясно, что прежде всего необходимо установить с И. Г. Даурановым хороший психологический контакт. Большую роль в этом сыграли тактика терпеливого и ровного отношения к нему в ходе бесед, откровенность в общении с ним при обсуждении причин и условий возникновения массовых беспорядков, нанесенного политического ущерба, приведение фактических дан-

ных о пострадавших. Положительный эффект дало ознакомление объекта с публикациями в прессе о разоблачении ряда коррумпированных бывших руководителей республики и активных участников декабрьских событий. Однако предложение о его возможном выступлении в газете он категорически отвергал: «Лучше тюрьма, сколько угодно лет, но только не это...»

Было видно, что ему надо дать «переболеть», освободиться от психологического стресса, от опасений за последствия. Поэтому беседы, направленные на моральную поддержку И. Г. Дауранова, продолжались. Оперработник обратил внимание собеседника на то, что в прессе много критических выступлений о серьезных упущениях в межнациональной сфере, но мало конструктивных предложений и, самое главное, нет анализа причин, их порождающих. В этой связи его обращение к общественности должно прозвучать не как саморазоблачение, а как аргументированный рассказ о том, почему он, обладая достаточным жизненным опытом, поддался настроениям толпы, слухам. А каково было удержаться в те дни неокрепшей в идейном плане молодежи! Сколько еще таких заблуждающихся молодых людей, которые ждут от нас, взрослых, аргументированного ответа! Конечно, можно смолчать, уйти в себя, пересидеть, а проблема останется. Обстановка требует веского слова таких авторитетов, как он.

Следовало убедить И. Г. Дауранова также и в том, что честное, открытое и принципиальное публичное выступление укрепит его авторитет в глазах не только сослуживцев и близких, но и всей общественности, снимет с него груз вины, который, как он сам утверждал в ходе бесед, постоянно испытывает после освобождения из-под стражи.

Неоднократные доверительные беседы в сочетании с внимательным отношением к его личной позиции оказали на И. Г. Дауранова нужное воздействие. Он заявил, что молчать больше не может и потому принял решение выступить в печати, но боится, как бы его выступление не навредило детям, а также жене, занимающей видное общественное положение.

С И. Г. Даурановым были обговорены эти важные вопросы, к которым мы были готовы, после чего он с нескрываемым чувством облегчения сказал, что принимает наше предложение, так как мы «действительно его убедили, а не заставили». Он понял никчемность своего проступка и то, что должен действовать только так и не иначе.

22 сентября 1987 года в республиканской газете «Казахстанская правда» было опубликовано его письмо в редакцию «...Почему я оказался в плена иллюзий».

Изучение оперативным путем реакции общественности на выступление в печати И. Г. Дауранова показало, что оно с пониманием воспринято трудящимися и оказалось положительное воздействие на общественно-политическую жизнь в республике, помогло сбить нездоровые процессы в межнациональных отношениях.

Таким образом, как показал последующий анализ поступающих материалов, принятые меры способствовали не только ста-

новлению И. Г. Дауранова на правильные интернационалистские позиции, но и решению главной в тот период задачи — оказание позитивного влияния на оперативную обстановку и политически неустойчивых лиц.

Одна из наиболее почетных и благородных обязанностей чекистов — помочь оступившемуся рассеять его заблуждения и разобраться во взаимосвязи интересов личности и общества, гражданина и государства, открыть в человеке лучшие качества. Поэтому всем нам надо постоянно искать новые подходы, больше проявлять выдержки, терпения, человечности, не становиться в позу обличителя, а в любом, даже безнадежном, случае попытаться понять причины и мотивы действий заблуждающегося, не дать ему уйти в себя, замкнуться, так как это рано или поздно может привести к негативному рецидиву, всегда думать о политических последствиях и общепрофилактическом эффекте при реализации чекистского мероприятия.

г. Алма-Ата

МИНУТА НА ОБЕЗВРЕЖИВАНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ

Наш собеседник — начальник Группы «А»

Седьмого управления КГБ СССР

Герой Советского Союза полковник В. КАРПУХИН

Во многих странах мира имеются специальные подразделения, на которые возлагается осуществление самых сложных, острых операций: освобождение заложников, задержание вооруженных преступников, участие в охранных мероприятиях и т. п.

Есть такое подразделение и в КГБ СССР. Руководит им Герой Советского Союза полковник В. Ф. Карпухин.

По заданию редакции наш корреспондент майор С. Лобанов встретился с Виктором Федоровичем и попросил его ответить на несколько вопросов, интересующих читателей «Сборника КГБ СССР».

— Виктор Федорович, из газет и других источников информации вся страна узнала о пресечении в Саратове очередной попытки захвата бандитами заложников. Очень кратко было сказано, что заканчивали эту операцию сотрудники КГБ. Расскажите, как действовала в этой ситуации специальная группа? Как были освобождены заложники?

— Говорить о всех подробностях происшествия, случившегося в Саратове 10—12 мая, нет смысла, так как первая часть этой ситуации отражена в периодической печати. Я остановлюсь лишь на действиях нашей группы,

Преступникам (а их было четверо) после захвата заложников в следственном изоляторе удалось оторваться от преследовавшей их опергруппы УВД и скрыться. Обнаружены они были спустя сутки в квартире Просвириных, которые проживают на четвертом этаже 6-этажного дома. Таким образом, в руках бандитов оказались хозяин квартиры с женой, двухлетней дочерью и его брат. Здесь же находились еще три заложника, ранее захваченных бандитами.

Для проведения операции по спасению заложников и задержанию преступников в Саратове был создан штаб. Руководством КГБ СССР туда направлена группа наших сотрудников.

Вечером 11 мая мы вылетели в Саратов. Во время полета прошли инструктаж, подготовили оружие, специальное имущество и средства связи.

К моменту нашего прибытия четвертым отделом УКГБ СССР по Саратовской области были приведены в действие силы и средства для осуществления операции «Набат». Обстановка в доме, где проживают Просвирины, накалялась: преступники были настроены крайне агрессивно, постоянно напоминали о приведении в исполнение своих угроз в отношении заложников, подвергли истязанием сотруднику следственного изолятора, на просьбу отпустить ребенка они требовали автомат, бронежилеты, наркотики, водку, автомобиль.

Преступники неоднократно сажали на подоконник одного из заложников, угрожая сбросить его вниз. Входную дверь забаррикадировали. Штаб по проведению операции частично удовлетворял их требования, давая им наркотики и водку.

Мы ознакомились с обстановкой, разработали с учетом наших возможностей различные варианты действий группы захвата. Все мероприятия согласовывались и утверждались оперативным штабом Комитета госбезопасности СССР, работой которого руководил заместитель Председателя КГБ СССР Г. Е. Агеев.

Переговоры с преступниками продолжались. В их поведении стала проявляться нервозность, вероятность исполнения угроз в отношении заложников возрастила. В связи с этим было принято решение ускорить проведение операции и захватить преступников.

Из здания на противоположной стороне улицы с использованием прибора ночного видения постоянно велось наблюдение за квартирой Просвириных, вся полученная информация передавалась руководителю группы захвата.

Перед сотрудниками группы была поставлена задача провести операцию без применения огнестрельного оружия, особое внимание обращалось на обеспечение безопасности ребенка и женщин, находившихся в квартире, вплоть до самопожертвования. Опасность, в частности, заключалась в том, что ранее сотрудники МВД, пытаясь освободить заложников в обмен на оружие, по требованию преступников передали им пистолет Макарова и патроны.

В 03.25 12 мая начался штурм квартиры. Один из преступников, вооруженный пистолетом, успел произвести два выстрела в сторо-

ну штурмующих. Пули попали в бронежилет, который находился в руках нашего сотрудника В. П. Самозванцева. Внезапность сыграла главную роль при штурме. Спустя секунды преступники были схвачены. Никто при проведении операции не пострадал.

По оценке руководства КГБ СССР, личный состав группы захвата проявил высокие морально-волевые качества и профессионализм, организованность и дисциплину. С положительной стороны следует отметить и действия нештатной группы захвата УКГБ СССР по Саратовской области, члены которой впервые принимали участие в боевой операции.

— Хотелось бы больше узнать о сотрудниках специальной группы. Как они проходят службу? По какому принципу ведется отбор? Как готовятся к действиям в сложных ситуациях? Кто из них наиболее отличился в последней операции?

— Главная особенность нашего подразделения заключается в том, что мы находимся в постоянной боевой готовности. И это накладывает отпечаток на всю нашу службу. Мы стараемся подбирать к себе сотрудников мобильных, собранных во всех отношениях, смышленых. Приходят к нам, как правило, добровольно, после нескольких лет службы в оперативных подразделениях, так как приобретенный там опыт позволяет успешно выходить из сложных ситуаций. Все вновь зачисленные проходят первичные двухмесячные курсы, на которых изучают различные виды стрелкового оружия, специальную технику, приемы рукопашного боя. Ежемесячно наши сотрудники сдают зачеты по этим дисциплинам. Постоянно тренируемся в стрельбе из различных видов оружия. Ежегодно совершают прыжки с парашютом, водим все виды автотранспорта.

Особое внимание уделяется правовой подготовке и чекистской учебе. У нас есть штабная группа, задачей которой является разработка планов действий нашего подразделения при проведении различного рода операций.

Наряду с физической подготовкой мы стараемся готовить сотрудников и в психологическом плане. Здесь нам также большую помощь оказывают специалисты-психологи. Необходимо отметить и такой момент: все наши сотрудники прошли суровую школу Афганистана, участвовали в боях.

За весь период существования нашего подразделения мы принимали участие более чем в 40 боевых операциях, многие сотрудники награждены орденами и медалями. За последнее время обстановка в стране осложнилась. Участились случаи захвата заложников, другие чрезвычайные происшествия. В этом году нам приходилось участвовать в 12 операциях. Все сотрудники проявили себя с положительной стороны. По итогам последней операции хочу отметить майора А. В. Сергеева, капитанов В. А. Лутцева, А. В. Михайлова, Е. С. Первушкина и старшего лейтенанта В. П. Самозванцева, отличившихся в Саратове.

Во время кризисной ситуации при захвате самолета в Баку в марте этого года отличились капитан С. А. Бурмистров и майор

А. Ф. Сердюков, ходивший в самолет для переговоров с бандитом. Сердюков пришел к нам из Пятого управления КГБ СССР, грамотный, высококвалифицированный работник, смелый и решительный.

— Ваше подразделение было создано специально для участия в чрезвычайных ситуациях. Оно единственное в своем роде в системе Комитета. Но есть такое же подразделение и в МВД СССР. В последнее время в нескольких опасных ситуациях Ваша группа принимала участие на заключительной стадии. Является ли это приоритетом или же наши сотрудники лучше подготовлены? Как взаимодействуете с МВД СССР?

— Хотел бы ответить сначала на второй вопрос. Многие операции мы проводим в тесном контакте с милицией. Как правило, на месте происшествия создается совместный штаб, в который входят руководители КГБ, МВД и прокуратуры. Потом, когда подключаемся мы, все действия и решения принимаются только с санкции руководства КГБ СССР, учитывается мнение остальных членов штаба. От прямых контактов мы не отказываемся, но по возможности стараемся не раскрывать тактику действий специального подразделения КГБ СССР.

Тем не менее жизнь заставляет, как случилось в Саратове, помогать нашим коллегам.

Теперь вернусь к первому вопросу. По моему мнению, наши сотрудники лучше подготовлены к работе в экстремальных условиях. Бессспорно, наши коллеги тоже имеют навыки, смелость, но действуют иногда слишком прямолинейно. Здесь надо учитывать и то, что большинство из них — солдаты срочной службы. А от своих сотрудников мы требуем быть гибкими в решениях, проходить ситуацию на несколько ходов вперед, каждое изменение в оперативной обстановке использовать для достижения положительных результатов. Это помогает нам успешнее решать сложные задачи.

— Известно, что Ваше подразделение постоянно «базируется» в Москве, а в операциях приходится участвовать почти по всей стране. Может так сложиться (и это уже было), что самое худшее произойдет, а подготовленных людей рядом не будет, как, например, случилось при освобождении заложников под Выборгом в марте 1988 года.

— Действительно, наше подразделение «базируется» в Москве, а операции проводим в разных регионах страны. Должен повториться, что мы постоянно находимся в боевой готовности. Весь личный состав оснащен средствами экстренного вызова. Установлено круглосуточное дежурство одного-двух отделений, позволяющее немедленно действовать эти силы в операции. Могу с уверенностью сказать, что мы мобильное подразделение. Кроме того, на Дальнем Востоке, в частности в Хабаровске, у нас есть отделение, которое работает по нашему плану, имеет аналогичное техническое оснащение и высокий уровень специальной подготовки.

Конечно, все предусмотреть невозможно. Нужна более совершенная организация нашей службы. Руководство Седьмого управления постоянно оказывает помощь в подборе кадров нашего подразделения, улучшении его боевых возможностей и решении других вопросов, касающихся нашей деятельности. Много внимания совершенствованию боевой выучки и вооружения подразделения уделяет заместитель Председателя КГБ СССР В. П. Пирожков.

— В последнее время захваты людей в качестве заложников стали происходить довольно часто. Захватчики или уже имеют оружие, или требуют его уластей. Уже есть случаи его применения бандитами. На преступление они идут сознательно. Здесь возникает вопрос о терроризме вообще как о явлении, общественная опасность которого возрастает. Видимо, назрела необходимость принятия дополнительных мер по борьбе с этим злом. Хотелось бы узнать Ваше мнение на этот счет.

— Я считаю, что в новом уголовном законодательстве должна быть предусмотрена ответственность и за организованную преступную деятельность. Насколько мне известно, эти вопросы сейчас прорабатываются. Нужна правовая норма, регламентирующая действия подразделений по пресечению этих преступлений. У нас же многие проблемы окончательно не проработаны. Мы, в частности, имеем право применять оружие лишь после получения специального разрешения в каждом конкретном случае. А как быть в тех случаях, когда счет времени идет на секунды? Нам нужна большая правовая защищенность. Решение этих и других вопросов в специальном нормативном акте утвердило бы наш правовой статус, определило бы перспективу и позволило бы более четко выполнять поставленные задачи.

— Виктор Федорович! Спасибо за интересный рассказ. От имени наших читателей желаем Вам и всем сотрудникам Вашего подразделения успехов в служебной деятельности.

В «Сборнике КГБ СССР» № 133 пронумеровано 64 страницы.

Упоминающиеся в статьях фамилии и псевдонимы в необходимых случаях изменены авторами или редакцией.

Адрес редакции (для секретной переписки): Москва, Редакция «Сборника КГБ СССР», тел. ОС 89-21-94, 89-20-22.

Корректоры Л. И. Никифорова, И. В. Рыбалкина, Р. А. Донская, Л. И. Шулепова
Сдано в набор 31.05.89. Подписано к печати 26.06.89.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Заказ № 0032. Тираж 4000 экз. Инв. № 43

Типография Хозяйственного управления КГБ СССР